

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

КЛЯТВА

ИЛИ ПЕРЕБИТЫЕ ПОЛОМАНЫ КРЫЛЬЯ

Владимир Григорьевич Колычев
Перебиты, поломаны крылья
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164810

Владимир Колычев. Перебиты, поломаны крылья: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27058-3

Аннотация

Хорошо устроился в жизни Илья Теплицын. У него есть все, что нужно молодому человеку – деньги, дом, жена, любовница. Но нашла черная полоса, и хлебнул Илья несчастий по полной. Любовница убита, Теплицына обвинили в убийстве и сунули в сизо. Муж любовницы поклялся, что до суда Илья не доживет. А ему надо выжить любой ценой, чтобы доказать свою невиновность. Одна надежда на капитана милиции Андрея Сизова, который должен найти нужные доказательства. Но пока тот ищет, Илью прессуют так, что суд может и не состояться...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	20
Глава третья	43
Глава четвертая	60
Глава пятая	88
Глава шестая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Владимир Колычев

Перебиты, поломаны крылья

Глава первая

Первым упоминанием в летописи город Рубеж обязан был своим былинным защитникам – в тысяча двести тридцать восьмом году от Рождества Христова русские воины преградили путь к Москве ордам хана Батыея. Если верить летописцам, в те времена здесь находился деревянный столб с особой пограничной зарубкой – может, потому и возникло нынешнее название города. А возможно, Рубеж стал так именоваться по той причине, что русские дружинники с врагом рубились на славу, не щадя живота своего. Но некоторые дерзкие умы склонны считать, что название свое древний город получил из-за имевшегося в нем проруба, то есть темничного подвала, где в старину в наказание за грехи мучили окаянников и лиходеев. Было так или не было, но в том же году от города и, возможно, существовавшего в нем проруба осталось лишь темное пепелище и светлое пятно в истории.

Спустя годы город возродился, но неизвестно, был ли возведен вместе с тем острог для убийц и разбойников. Но факт,

и притом исторический, что в первой половине XVII века в Рубеже тюрьма имелась. Она стояла близ паперти Воскресенской церкви, чем создавала тесноту и смущала прихожан. «Колокольни поставить негде», – писали в челобитной священники. Они просили перенести тюрьму в другое место, но государь в просьбе отказал. Зато, как утверждает народная молва, сам Господь Бог ниспослал на город страшный пожар, в котором церковь уцелела, но сгорел и Рубежный кремль, и тюрьма.

Но далеко не все люди восприняли этот знак свыше как предостережение о грядущем Страшном Суде, многие продолжали грешить, грабить и убивать. Потому в 1804 году по указу Александра I тюрьма была отстроена вновь и, батушки светлы, стала гордостью и украшением городского пейзажа. Белокаменные корпуса, затейливые арки окон и ворот, цветочные клумбы у главного входа, мощенная булыжником подъездная дорога.

Шло время, город рос и развивался, а тюрьма старела и ветшала. Императоры Александры и Николаи, смены режимов, генсеки и президенты, войны и потрясения, а тюрьма продолжала стоять как незыблемый символ человеческого несовершенства и равнодушия. За двести лет она пришла в полнейший упадок. Некогда белоснежные стены корпусов просели под собственной тяжестью, стали темно-серыми с мерзкими бурыми разводами, напоминающими кровавые подтеки ушедших эпох. Арки окон больше чем напо-

ловину замурованы грубой кирпичной кладкой, сам корпус огорожен высокой стеной, такой же темной и неприглядной, с витками колючей проволоки поверху, клумбы и мостовую залепили безликим асфальтом. Словом, из украшения тюрьма уже давно превратилась в устрашение городского пейзажа. И если бы только так. Тюрьма своим видом страшила и человеческие души. Народная молва упорно называла ее филиалом ада на грешной земле. Говорили, что камеры забиты под завязку, канализации в них нет – заключенным приходится спать стоя в жутких условиях, а по утрам выносить в общую отхожую яму железные баки с испражнениями. А не так давно тихо прошелестел слух, что по тюремным коридорам темными глухими ночами бродят призраки – неуспокоенные души людей, невинно расстрелянных в сырых подвальных казематах. Но еще обывателей Рубежа пугали, равно как и тешили любопытство, разговоры о вопиющих тюремных нравах, о том, как сильные унижают слабых, как начальство издевается над заключенными, как морят их голодом, вымогают у них деньги, а иногда даже и души.

В том, где правда и где ложь, можно было разобраться, самолично побывав за решеткой, но никто из горожан не отваживался на такой опыт. Даже самые отпетые журналисты, гордо именующие себя акулами пера, боялись погрузиться в этот насколько страшный, настолько же и волнующий мир. Но тюрьма и не ждала экспериментов, она ждала новых арестантов...

Ночь. Шоссе. Придорожный пяточок, на котором сгрудились большегрузные машины. Третий час пополуночи – «дальнобойщики» уже потешили свою плоть и спят, чтобы с рассветом снова сесть за баранку и продолжить путь. А проституткам не спится, ночь – это их стихия, вот и бродит среди машин одинокая камелия в коротком плащике в поисках очередного клиента. Но некому предложить ей любовь за деньги, и даже леший из темного придорожного леса не зовет ее к себе.

Девушка уже собиралась постучаться в дверцу кабины, где спал сейчас ее последний клиент. Пусть приютит ее до утра. Но только она повернула к машине, как с дороги на пяточок съехала старенькая иномарка, остановилась возле нее.

За рулем средних лет мужчина в кожаной куртке. Небрежным движением руки он поманил ее к себе.

– Пятьдесят долларов и до утра, – отозвалась она.

Цена была явно завышенной, даже в первые ночные часы, когда спрос на женскую ласку особенно велик, она брала за сеанс вдвое меньше. Но мужчина за рулем легко согласился, и девушка впорхнула в машину...

Он демонически усмехнулся. Ночная бабочка попала в сачок, обратно она уже не выпорхнет. И никогда никому больше не испортит жизнь.

Он выжал сцепление, чтобы стронуть машину с места, когда вдруг открылась дверца со стороны путаны и в салон влезло чье-то помятое и пышущее перегаром лицо.

– Аська, ты куда? – грубым мужским голосом спросило оно.

– Работать.

– Может, лучше со мной?

– Я уже договорилась.

– Ничего, повернем назад... Эй, мужик! Давай поговорим!

Возмутитель спокойствия захлопнул дверцу, собираясь обойти машину, чтобы пообщаться с водителем. Но тот не хотел с ним ни о чем разговаривать, ударил по «газам» и выскочил на ночную дорогу.

– Куда едем? – спросила девушка.

– А куда ты хочешь? – усмехнулся он.

– Мне все равно.

– Мне тоже.

Ему действительно было все равно, где делать дело, но все же он довольно далеко отъехал от места стоянки. Завел машину подальше в лес.

– Начнем?

Она привычно достала из сумочки красный пакетик из фольги, вскрыла его зубами.

– Скажи, зачем ты это делаешь? – спросил он.

– Потому что тебе это нравится.

– Не ври. Тебе все равно, нравится мне или нет. Тебе нужны деньги.

– А кому они не нужны?

Девушка уже приступила к делу, а потому находилась в таком положении, что по ее спине легко было провести рукой.

– Ты – проститутка. Ты – гнусное и продажное существо!

Возмутиться она не успела. Острый клинок по самую рукоять вошел в спину под левую лопатку...

* * *

Новоселье – всегда праздник, и чем больше дом, тем выше градус торжества в его честь. А дом удался – трехэтажный, с огромным парадным залом, с фронтоном, треугольным портиком и колоннадой, на берегу полноводного озера. Илье здесь очень нравилось, но праздник новоселья его раздражал.

Он молча стоял у погасшего камина, покручивая пальцами бокал с коньяком, и терпеливо ждал, когда гости разойдутся. Ожидание это и скука читались на лице молодого человека, но, казалось, никто этого не замечал. Ему мнилось, что люди вообще не хотят его замечать – как будто он не хозяин этого дома, а всего лишь симпатичное приложение к нему, а если точнее, то к собственной супруге. Женщины улыбались ему мило, поглядывали на него с интересом, но

всерьез не воспринимали. Мужчины подходили к нему, запанибратски, но с оттенком небрежности похлопывали его по плечу, но тут же исчезали, потому что им не о чем было с ним говорить.

Для них, для состоятельных и состоявшихся мужей, Илья был выскочкой и неучем. Он был примечательной внешности: высокий, атлетичный, глаза, как черные греческие оливки, французский нос – тонкий, с благородной горбинкой, широкие русские скулы, припухлость еврейских губ. Он нравился присутствующим в доме женщинам, но их мужей – уже немолодых и обрюзгших – это почти не раздражало: они были уверены в том, что Илья не сможет составить им конкуренцию. Все они с высшим образованием, все в бизнесе. У всех есть и жены, и дети, все содержат свои семьи, но никак не наоборот. А Илья в их глазах был всего лишь ничемным красавчиком, которому вдруг улыбнулась фортуна в лице богатой женщины. Он никогда не был альфонсом в прямом значении этого слова, но ему казалось, что друзья и знакомые жены именно так и называют его за глаза.

Что уж говорить о гостях, если сама жена не относилась к нему всерьез, иногда ему даже казалось, что Нила воспринимает его как роскошную, но мебель в собственном доме и занимательную игрушку в собственной постели. Она понимала, что Илья чужой среди ее друзей и знакомых, но вместо того, чтобы приободрить его или утешить, она вела себя так, как будто он и для нее не представлял никакого интереса.

Ему было двадцать четыре, ей сорок два, он был красавчиком, в ее же внешности хватало недостатков – грубоватые и не совсем правильные черты лица, нездоровая кожа, пробиравшиеся усики над верхней губой. Одевалась Нила дорого и с изыском, следила за собой – над ее лицом работали профессиональные визажисты, одежду подбирали толковые стилисты, тело подгонялось под стандарт ее же собственными стараниями в фитнес-клубах и домашнем спортзале. Словом, выглядела она неплохо, хотя в ее внешнем великолепии можно было заметить фальшивую составляющую. Илья не любил жену, но и терпел ее без принуждения.

Помимо него в доме был еще один молодой человек, который казался инородным телом в общей массе. Только что под ручку с хозяйкой дома по лестнице он спустился в зал, сказал ей что-то и, натянуто улыбнувшись, отошел в сторону, опустился на диванчик в дальнем затененном углу зала. Посредственного роста, посредственной внешности, одет как многие – обычные джинсы, ничем не примечательный джемперок. Но был в нем некий природный магнетизм, что заставляло относиться к нему с невольным уважением. Выражение лица отнюдь не суровое, но взгляд волевой – как у всякого человека, убежденного в прочности своего «я». Илья немного подумал и шагнул к нему.

Андрей Сизов приходился хозяйке дома двоюродным племянником и на торжество по случаю новоселья был приглашен по чистой случайности. Ехал со службы, зашел в су-

пермаркет, там и повстречал свою тетю, с которой виделся с регулярной периодичностью раз в год – в Радоницу, на городском кладбище, на могилах усопших пращуров. Слово за слово, разговорились, Нила пригласила на праздник, он приехал, о чем сейчас жалел. Тетя показала ему дом, на этом общении с ней закончилось – как ему показалось, к обоюдной их радости. Дом Андрею понравился, но сейчас он был совсем не прочь убраться отсюда. Напыщенные мужи, зазнавшиеся жены – это был чуждый для него круг, другой уровень. Он чувствовал себя здесь лишним.

Илью Андрей знал, слышал историю их с тетей отношений, поэтому не очень удивился, когда увидел его стоящим одиноко в сторонке. Его также здесь не признавали, и он тоже ощущал себя тут пятым колесом в телеге. Но непонятна была снисходительная улыбка на его губах, он подошел к Андрею с таким видом, будто делал ему одолжение.

– Привет, – небрежно бросил он. – Как поживаешь?

– Не жалуюсь.

Диван не был коротким, на нем свободно могли разместиться три человека, но Андрей отодвинулся вправо, точнее, обозначил движение – чтобы собеседник мог сесть рядом.

– Слышал я, что работка у тебя не позавидуешь, – принимая приглашение, сказал Илья.

Андрею было двадцать восемь лет, он работал в следственном изоляторе, сначала простым оперуполномочен-

ным, а последний год – заместителем начальника оперативной части. Ему действительно никто не завидовал, но ему самому работа нравилась. И небрежность Ильи ничуть его не покорила.

– Каждому свое, – с присущей ему невозмутимостью ответил он. – Кто-то рожден быть банкиром, а кто-то заемщиком, кто-то врачом, а кто-то его пациентом, так и у нас – одни становятся преступниками, а другие рождены, чтобы их охранять ...

– Ну да, кто-то рожден садистом, а кто-то мазохистом, – подхватил Илья.

– Я не садист, – усмехнулся Андрей. – Садисты – это те, кто садит. А я не сажаю, я охраняю.

– И что в том хорошего? Грязь, мерзость вокруг. У сантехника – и то работка почище будет.

Илья искренне считал, что Андрей занимается нестоящим делом. Мужчина деньги должен зарабатывать, думал он, совершенно позабыв о том, что сам жил в кармане у жены, ее деньгами и заботами. И кроме как заниматься домом никаких других дел в этой жизни не имел.

– Может быть, но кто-то же должен в человеческой грязи копаться, – пожал плечами Андрей.

– Не знаю, по мне бы – всю эту грязь в землю зарыть, сразу, без суда и следствия.

– А если среди этой грязи есть невинные?

– О чем ты говоришь! Я же книги читаю, фильмы смотрю,

там только говорят, что невиновные. Все говорят, нельзя же всем верить...

– А я всем и не верю. Но точно знаю, что и в тюрьме есть порядочные люди.

– Порядочный человек за решетку не попадет, – мотнул головой Илья.

– Почему ты так уверен? – удивленно приподнял брови Андрей.

– Потому что я, например, порядочный человек. И ничего противозаконного совершать не собираюсь и тюрьмы вашей не боюсь, потому как никогда туда не попаду.

– От тюрьмы и сумы не зарекайся.

– Я и не зарекаюсь. Но в тюрьму не попаду.

– И не попадай, мне меньше работы будет... Мне, наверное, уже пора.

– Тебе далеко?

– На Карла Маркса.

Названная улица находилась на другом конце не самого маленького в стране города, да и до самого Рубежа километра три-четыре. Но Илью не пугала ночная дорога, напротив, он готов был ехать хоть к черту на рога, лишь бы убраться из этого дома, подальше от постылых гостей. И раз уж появился предлог, почему бы им не воспользоваться, решил он и вместе с Андреем вышел во двор.

Машины гостей стояли на парковочной площадке перед домом, под неоновым фонарем на столбе, окрашенном се-

ребристой краской. Автомобили – сплошь престижные модели иностранного производства. И старенькая синяя «Лада» «девятка», сиротливо вжавшаяся в узкое пространство между черным «Прадо» и высоким бордюром, казалась беспородным взъерошенным воробьем, непонятно по какой причине затесавшимся в стаю сильных благородных лебедей. К этой машине и подошел Андрей, нажатием кнопки на брелоке снял ее с сигнализации – послышался писк, жалкий, как будто пристыженный. Илья невольно улыбнулся. Он хоть и не работал в тюрьме, но автомобиль у него получше будет – красавец-джип, гордость баварских моторных заводов.

– Может, на моей машине поедем? – спросил он.

Андрей удивленно моргнул.

– Зачем на твоей? И куда?

– Ну, я же должен тебя проводить.

– Ты меня уже проводил, до машины.

– Да?.. А я думал, мы вместе поедем, – неопределенно передернул плечами Илья.

– Куда и зачем?

– Не знаю. Куда-нибудь.

– А Нила?

– Ну, если бы ты сказал, что у тебя машина не завелась, а я тебя подвез...

– Машина у меня в порядке, – усмехнулся Андрей.

И в подтверждение своих слов сел за руль, вставил ключ в замок зажигания, запустил стартер. Двигатель завелся с по-

лоборота – без натуги и надрыва.

– Может, все-таки на моей? – просительно посмотрел на него Илья.

– Кажется, я тебя понимаю, пареньь.

Андрей действительно понимал Илью. Не в своей тарелке человек: и слишком молодой он для компании солидных преуспевающих людей, и статус приживальщика при богатой жене угнетает. Даже в душу лезть не надо, и так ясно, что на Ниле он женился вовсе не по любви. Деньги ему нужны были, равно как и сытая, бездельная жизнь, а таких прохиндеев нигде не жалуют.

– Душа на волю просится? – насмешливо сощурился Андрей.

– Просится, – признался Илья.

– И чем я могу тебе помочь?

– Нила говорила, что ты не женат.

– Ну и что?

– А то, что дома никто не ждет. Может, заглянем в «Ночной рай»?

Ночной клуб с «райским» названием славился дороговизной, развязностью девочек и бедовостью завсегдатаев. Материальных затруднений Андрей не испытывал, женщин любил и задир-скандалистов не боялся. Но сейчас прелести ночной жизни его ничуть не прельщали. Во-первых, у него была девушка, на которой он собирался жениться; во-вторых, вчера в ночь он дежурил, сегодня вместо отсыпного ра-

ботал, еще и в гости к дальней родственнице заехал непонятно зачем. Он думал о том, чтобы поскорее попасть домой и завалиться спать, а Илья со своей неудовлетворенностью его волновал мало.

– А что ты Ниле скажешь, когда она узнает, где мы с тобой были? Скажешь, что я сбил тебя с истинного пути?

Именно на это и рассчитывал Илья. Поэтому не моргнув глазом сказал:

– Тебе же за это ничего не будет?

– Нет, брат, ты не прав, – покачал головой Андрей. – Есть такое понятие, как совесть... Нет, я домой поеду. Извини, если что-то не так...

– Тогда я сам.

Еще несколько мгновений назад Илья находился в подвешенном состоянии. И хотелось уйти в загул, но колола боязнь перед Нилой. Баба она ревнивая, могла и обидеться, а это – карманных денег не видать и даже машину не на что будет заправить. Но сейчас он уже был уверен в том, что ему необходимо ехать в ночной клуб, где можно снять на час-два девочку – симпатичную, но простую и не зазнавшуюся. Он должен был спустить пар, накопившийся в нем за последнее время, ну а потом можно и обратно вернуться, в золотую клетку.

– Ну, сам так сам... Пока!

Андрей закрыл за собой дверцу, но тут же снова распахнул ее, окликнул Илью:

– Погоди, ты на чем ехать собираешься?

– На лошадях... Триста лошадей под капотом.

– И пьяный кучер на облучке... Ты же под градусом.

– Ерунда.

– Дорога сложная, смотри, как бы на повороте не занесло.

Илья мысленно согласился с Андреем. Дорога к городу действительно непростая: крутые спуски-подъемы, резкие повороты. А в голове у него и впрямь плещут хмельные волны, оттого и потянуло на подвиги.

– Не занесет, – уверенно мотнул он головой.

Какое-то время Андрей смотрел на него дотошно-проницательным взглядом, затем кивком головы показал на свободное место возле себя.

– Садись, подвезу. А обратно такси закажешь.

– Не люблю такси, – отмахнулся от него Илья. – Свою машину люблю.

– Ты человек взрослый, смотри сам... Да, будь осторожен, у нас в городе маньяк объявился...

– Будет страшать, – небрежно усмехнулся Илья. – Город у нас не самый большой, был бы здесь маньяк, все бы уже об этом знали.

– Узнают. Пока всего два эпизода, их только-только объединили в одно дело. Будет третий труп, тогда поднимется шум. А ждать, пожалуй, недолго. Весна в самом разгаре, а весной у маньяков обострение.

– У меня, может, тоже обострение, – усмехнулся Илья. –

Пусть этот маньяк меня боится...

Вроде бы и убедительно говорил Андрей, но Илья ему не верил. Просто парень не хотел, чтобы он уезжал пьяным в ночь, поэтому и сочинил байку. Зато он сам ничуть не преувеличивал в плане собственного обострения. Весна действовала на него, как на всякого самца из животного мира. Хотелось быть диким, хотелось чужую женщину...

– Смотри, я тебя предупредил.

Андрей не стал больше отговаривать его, выехал на дорогу, мигнул на прощание габаритными огнями и был таков. Илья же направился к своей машине. Он уже расхотел ехать в ночной клуб, но у него был интерес по другому адресу. И никакой маньяк не в состоянии был удержать его...

Глава вторая

Девушка лежала с закрытыми глазами. Казалось, она только-только вышла из воды на песчаный берег, уставшая от долгого купания, прилегла отдохнуть и заснула. Только вот перед этим почему-то не подумала о том, что надо было бы прибрать свои роскошные длинные волосы с золотистым отливом, чтобы они не рассыпались по ее красивому безмятежно-спокойному во сне лицу...

На ней была только ночная рубашка из тончайшего шелка, мокрая, прилипшая к телу. Михаил Перегудов невольно поежился, хотя прекрасно понимал, что девушке ничуть не холодно. На улице апрель месяц, с утра поднялся северный ветер, на небе жмутся друг к дружке темные тучи, как будто хотят согреться. Вода в реке ледяная, от нее тянет стужей. Но девушка от холода не проснется, и никогда не согреется кровь в ее теле.

Она была мертва, сегодня утром ее труп обнаружили рыбаки, позвонили в милицию. На место выехала оперативно-следственная бригада, которую возглавил капитан милиции Перегудов, средних лет мужчина с усталыми глазами на суровом лице.

Над телом склонился судмедэксперт дядя Паша, от которого всегда разило сегодняшним чесноком и вчерашним перегаром. «Сейчас проснется!» – непроизвольно мелькнуло в

голове Михаила. Но девушка, конечно же, не проснулась и, повинаясь движению рук эксперта, легла на спину.

– Мелкопузырчатая пена вокруг рта, значит, вода в легких. Точно, захлебнулась...

Дядя Паша делал выводы с таким равнодушием, как будто он был техническим экспертом и осматривал не живого некогда человека, а изначально бездушную машину, сломавшуюся по чьей-то вине. Но только человек неискушенный в следственной практике мог усмотреть в том проявление вопиющего цинизма. За двадцать с лишним лет работы в судебной медицине дядя Паша перевидал столько трупов, что давно уже потерял им счет. К смерти нельзя привыкнуть, но время притупляет остроту восприятия.

– А погибла когда? – спросил Перегудов.

Он и сам видел, что девушка умерла совсем недавно: посмертные гипостазы еще не успели обезобразить ее нежную и белую как мел кожу.

– Часов семь-восемь назад, но это предварительно...

Дядя Паша принялся проводить манипуляции, которые человек незнающий мог воспринять как извращение над трупом, но Перегудов знал, для чего и как судмедэксперт измеряет ректальную температуру мертвого тела, поэтому ничуть не возмутился. Хотя он и отвернулся, чтобы не видеть, как дядя Паша орудует градусником.

Эксперт сделал необходимые замеры, занес их в свою тетрадку, еще раз осмотрел тело, поделился своими наблюдени-

ями:

– На шее под подбородком кровоподтек, как будто цепочку с нее сдернули. И в ушах разрывы – сережки с мясом вырывали...

– Ограбление? – у самого себя спросил Перегудов.

Но на вопрос ответил дядя Паша:

– Похоже на то. Ограбление и убийство... Синяк на правом запястье – кто-то держал ее за руку, может, браслет снимали...

– Тогда почему она в одной ночной рубаше?

– Одежду снять можно... На правой ноге, на внутренней стороне бедра, синяк... Утверждать не могу, но, возможно, ее изнасиловали перед тем, как сбросить в воду...

– Сбросить в воду? – задумался Перегудов.

– Да, с моста.

– Почему с моста?

– А ты вспомни, в прошлом году утопленника нашли. Метрах в сорока отсюда. Его с Южного моста сбросили, с самой середины, течением аккуратно сюда принесло. Течение такое же примерно было, как и сейчас...

– Все может быть, – приободрился Перегудов.

Действительно, осенью прошлого года на берегу реки, за городом, примерно в этом же месте был найден утонувший наркоман. Вскрытие показало смерть от передозировки, но, как вскоре выяснилось, умер он далеко от воды, а в реку сбросили его труп – друзья по наркотическому сча-

стью-несчастьем постарались.

– Она живая была, когда ее сбрасывали, – продолжал дядя Паша. – Упала в воду, захлебнулась...

– А если она сама в реку бросилась? Может, бегством от преследователей спасалась? Сиганула в реку, вода ледяная – ногу судорогой свело...

– Ну, может, и так, – потускнел дядя Паша. – Ты следователь, тебе видней...

Перегудов усомнился в его версии, но все же спустя время отправился на Южный мост.

Этот мост соединял южную окраину Рубежа с небольшим рыбацким поселком Хохотка, но пользовались им мало. Железобетонная конструкция, дорожное двухполосное и пешеходное полотна, внушительные размеры – видно, что строительство обошлось в большую сумму, но, судя по скудности грузопотоков, средства эти вряд ли окупились. Пешеходы появлялись на мосту редко – именно это и настраивало Перегудова на оптимистический лад.

Он обследовал пешеходное полотно, но ничего интересного не обнаружил. Обычный мусор – окурки, обрывки бумаг, смятая пластиковая бутылка из-под «кока-колы». Но интуиция подсказывала Михаилу, что прибыл он сюда не напрасно. В следующий раз он осмотрел мост более внимательно и был вознагражден за свою настойчивость сторицей. Он обнаружил водительские права на имя Окуловой Эльвиры Васильевны. С фотографии на него смотрела сегодняшняя

утопленница – живая, ярко-красивая и довольная жизнью...

@Int-20 = Илья стоял на пристани и тоскливо смотрел на примыкающий к ней ангар для большого моторного глассера. Ворота на замке, ключи у Нилы, а как было бы здорово сейчас занять капитанское кресло за штурвалом, разогнать многосильную машину по темной глади озера, приподняться на ногах над смотровым стеклом, подставляя лицо упругим воздушным струям. Но не сбылись его прогнозы, Нила устроила скандал, спрятала в сейф не только деньги, но и ключи от машин и яхты. Вдобавок вчера она вернулась домой очень поздно, и от нее пахло терпким мужским одеколоном. Илья понял, что жена изменила ему в отместку за позавчерашнюю ночь, но он готов был ее простить – лишь бы она вернула ему деньги и ключи. Но, похоже, Нила не нуждалась в его прощении. Сегодня утром она молча собралась и уехала к себе в офис, завтраком, который он приготовил ей в знак примирения, побрезговала.

Нила лишила его удовольствия в реальности, но оставила лазейку в мир виртуальных развлечений. Илья вспомнил о своем двуядерном компьютере и направился в дом, чтобы оттуда забраться во всемирную информационную паутину.

Он поднялся на крыльцо дома, когда со стороны дороги увидел крышу микроавтобуса, который должен был проехать мимо, но почему-то остановился возле его ворот. Хлопнула дверца. Забор был достаточно высоким для того, чтобы видеть вышедшего из машины человека. Но звонок, раздав-

шийся в прихожей, возвестил о том, что человек этот напрашивается в гости. Илья подошел к монитору домофона и увидел мужчину тревожной наружности – сосредоточенно-аскетическое лицо, строгий, неприветливый взгляд.

– Я вас слушаю, – заговорил он.

И тут же на экране монитора всплыла раскрытая изнанка милицейского удостоверения.

– Следователь Рубежного УВД капитан Перегудов. Мне нужен Теплицын Илья Валерьевич.

– Зачем? – дрогнувшим голосом спросил Илья.

В душе заглохло. Он вдруг подумал, что милицию могла прислать Нила. Он слышал об одной нелепой ситуации, когда жена обвинила мужа в изнасиловании, за что его уупекли в тюрьму на многие лета. Правда, это было в Америке. А вдруг Нила решила перенять заокеанский опыт воздействия на провинившихся мужей?

– Разговор есть.

– А ордер?

– Ордера нет. Есть постановление на обыск.

– На обыск?! Постановление? – опешил Илья.

– Открывайте, – потребовал следователь.

– Подождите, я должен позвонить жене.

– Звоните. Пока вы будете звонить, мы возьмем дом штурмом, – жестко усмехнулся Перегудов и обернулся лицом к своему микроавтобусу.

И тут же оттуда вышли два омовца в касках и бронежи-

летах. Илья представил, как они перемахивают через забор, пересекают двор, взламывают дверь, хватают его самого за руки, вдавливают лицом в пол...

– А если я сразу открою?

– Поверьте, это будет благоразумным решением с вашей стороны, – скупно и неприязненно улыбнулся следователь.

Илья ему не поверил, но калитку открыл и в дом впустил. Перегудов молча окинул взглядом зал с так называемым вторым светом – когда два этажа в одном, – присел на самый краешек кресла, зачем-то хлопнув ладонью по кожаной папке под мышкой.

– Как вы заметили, я здесь один, – сказал он.

– Заметил, – обескураженно кивнул Илья.

– В автобусе сидят сотрудники уголовного розыска и представители роты специального назначения.

– Зачем?

– Вот и я думаю, что нам они не понадобятся. Сейчас вы расскажете мне, где и с кем вы провели ночь с двадцать девятого на тридцатое апреля.

– Зачем?

– Затем, что от этого зависит ваше будущее.

– А если я не хочу говорить?

– Тогда через не хочу. Не создавайте себе сложности, гражданин Теплицын.

Илья понимал, что произошло нечто из ряда вон выходящее, но посвящать следователя в свои тайны не собирался.

@Int-20 = Эльвира жила в частном секторе на берегу реки в большом красивом доме. Илья удрал к ней от жены и гостей. Он узнал номер ее телефона, позвонил ей в пути – в надежде, что к аппарату подойдет она, а не муж. Так и вышло, трубку взяла она.

– Привет! Чем занимаешься? – Его голос звучал так обычно, как будто не виделся с ней дня два-три, не больше, хотя на самом деле в последний раз они виделись полтора года назад.

– Илья?! Неужели ты?! – Чувствовалось, что Эльвира несказанно рада его звонку.

– А это плохо?

– Ну как же плохо, если хорошо! – ее голос звучал весело и звонко.

– А муж твой где?

– Дома.

– Ничего, если ты выйдешь ко мне минут на пять? Я понимаю, что поздно.

– Дурачок! Ничего не поздно! А когда ты будешь?

– Минут через десять.

– Я буду тебя ждать...

Она ждала его под старым развесистым дубом неподалеку от своего дома – с непокрытой головой, в одном плаще, в полусапожках на голую ногу. Она ждала его, потому что любила. И он приехал к ней, потому что любил.

Несмотря на свои к ней чувства, Илья из машины не вы-

шел, открыл ей дверцу изнутри, а не снаружи, как требовали того правила этикета. Но она, казалось бы, не заметила этого легкого к себе пренебрежения. С отрадной улыбкой на лице села в машину, сама захлопнула за собой дверцу. Замерла в ожидании. Илья и сам хотел ее поцеловать, но решил повременить.

– На улице холодно, а здесь у тебя так тепло, – сказала она.

– Это потому, что я здесь.

– Да, ты здесь, поэтому тепло... У нас в доме батареи горячие, а холодно. Иногда мне кажется, что мой муж – дед Мороз, а я Снегурочка. Он старше меня, я его уважаю, но не люблю, холодно мне с ним.

– Иди ко мне, я тебя согрею.

Илья всего лишь протянул к ней руку, она сама прильнула к нему, жадно накрыла его рот своими губами. Целовалась она так же хорошо, как пять лет назад, когда им казалось, что нет в мире такой силы, которая могла бы разлучить их. Так же хорошо, но не лучше – как будто и не было больше в ее жизни мужчины, на котором она могла бы усовершенствовать искусство поцелуя...

Скорее рефлекторно, чем осознанно он запустил руку ей под плащ, ощутил приятную гладь спрятанного под ним шелка, добрался до мячиков ее груди – таких же упругих, какими он их помнил. И еще он помнил, как блаженствовала Эльвира, когда он ласкал их. Но сейчас она вдруг встрепенулась в его объятиях, резко отстранилась. Илья не сразу понял, что

ее взгляд уперся в боковое стекло водительской дверцы.

– Тебе не нравится? – спросил он.

– Антон! – потрясенно выпалила она.

Илья обернулся и увидел приближающегося к ним мужчину в длинном широком плаще, с большой головой под еще более огромным капюшоном. С придорожного столба светил фонарь, к которому человек был повернут боком – он был хорошо освещен, но из-за капюшона лицо оставалось в глухой тени и были видны только глаза. Возможно, они отражали свет, падающий на окно машины, но Илье показалось, что глаза излучают собственный и страшный свет, идущий откуда-то из глубин его мрачной души.

Это был Антон, муж Эльвиры. В последний раз Илья видел его месяца два назад, случайно встретил в салоне бытовой техники, где был вместе с Нилой. Антон узнал его, снисходительно усмехнулся, глянув на него, но ничего не сказал, хотя Илья и без того уловил его мысли. Антону было под пятьдесят; жирный, с двойным подбородком, рядом с красавицей Эльвирой он воспринимался как чудовищно нелепая дисгармония. Но примерно так же смотрелась на фоне Ильи его немолодая и не очень красивая жена. Но если общество испокон веков воспринимало альянс «красавица и чудовище» как нечто убого-естественное, то союз между молодым красавчиком и пожилой дурнухой вызывал у людей, по меньшей мере, презрительную усмешку. Антон молчал, но его взгляд обзывал Илью «альфонсом». Будь Илья посме-

лей, он бы съездил ему по физиономии прямо там, в торговом салоне.

Но тогда он побоялся дать волю кулакам, зато мог исправить свою ошибку прямо сейчас. Казалось бы, что стоит ему выйти из машины и ударить старого толстяка. В принципе, Илья мог сбить его с ног одним ударом. У него большие крепкие кулаки, он через день занимался в тренажерном зале – бицепсы и трицепсы, как у завязтого культуриста. Но Илья не стал выходить из машины. Он всего лишь переключил рычаг автомата на движение и убрал ногу с тормоза...

@Int-20 = Следователь Перегудов не сводил с него пытливых, все замечающих глаз, но Илья крепился.

– Какие сложности? Я ничего не понимаю.

– Ладно, придется вам подсказать, раз уж вы такой невнимательный. Позавчера ночью вы встречались с гражданкой Окуловой.

– А-а, ну и что? – растерялся Илья.

– Ее муж утверждает, что вы силой затащили ее в свою машину.

– Силой?! Нет, она сама села ко мне в машину, – мотнул он головой. – Я ей сказал, и она села. А он потом появился. К нам шел, но мы раньше уехали... Врет он, не было никакого насилия.

– Значит, вы не отрицаете, что увезли Эльвиру Окулову из дома, в половине одиннадцатого ночи?

– Не отрицаю, – сдался Илья. – Только времени точного

не помню. Да, где-то в районе одиннадцати...

– Куда вы ее отвезли?

– Да куда-то за город, к реке, прямо по дороге от их дома.

Ехал и ехал, пьяный был, плохо соображал...

– Пьяный?!

– Ну, выпивший... А вы ничего не докажете, – раздосадованный собственной осечкой сказал Илья.

– А что я должен доказывать? – еще пристальней всмотрелся в него следователь.

– То, что я выпившим был.

– Я не из дорожной инспекции, я из уголовного розыска.

Но все же меня интересует, как сильно вы были пьяны?

– Ну, грамм пятьдесят выпил, коньяка. Хороший коньяк, французский, настоящий, он голову пьянит, но не мутит. Я хорошо соображал...

На самом деле Илья выпил много больше, но решил не усугублять свое положение.

– Но только что вы сказали, что соображали плохо.

– Это не от коньяка. Это от переизбытка чувств.

– Скажите, пожалуйста! – усмехнулся Перегудов. – И чем вызван был этот переизбыток чувств?

– А любил я Эльвиру, очень любил...

– Любили? А сейчас, значит, не любите?

– Почему не люблю? И сейчас люблю. Но мне почему-то кажется, что это мое личное дело, кого любить, а кого нет... И вообще, я слишком много вам наболтал. Может, вы все-

таки скажете, в чем вы меня обвиняете?

– А вы, значит, уверены в том, что вас обвиняют? – многозначительно усмехнулся следователь.

– Нет, но вы же неспроста пришли.

– Неспроста... Вы увезли Эльвиру на машине, что было дальше?

– А что может быть между мужчиной и женщиной, когда они остаются одни? – сказал Илья и вдруг его осенило: – Но я ее не насиловал. Все по взаимному согласию, и если она заявление написала, то говорю вам – это муж ее заставил...

Теперь он знал, кто подал на него заявление в милицию. Антон Окулов – банкир, человек в городе известный и довольно-таки влиятельный, он мог запугать Эльвиру, мог натравить ее на Илью.

– Не ломайте комедию, Теплицын, – скептически усмехнулся Перегудов. – Актер из вас, прямо скажем, никакой.

– Но это не комедия, это правда... Вы пришли ко мне с обыском, что вы хотите найти. Вы должны мне это сказать!

– Должен. И скажу. Мне нужны драгоценности, которые вы забрали у Эльвиры Окуловой.

– Драгоценности?! Которые я забрал?! – похолодел Илья.

Теперь он понял, что его могут обвинить не только в изнасиловании.

@Int-20 = Эльвира долго приходила в себя после бурного изъяснения чувств. Наконец она открыла глаза, утомленно потянулась рукой к своему плащу, прикрыла им свою наготу.

– Это было нечто, – в умильном упоении сказала она.

Илья благодарно улыбнулся. Банальная женская лесть, а приятно.

Машина стояла на обрывистом берегу реки, ночь темная – без фар ни зги не видно. Тишина мертвая вокруг. Они лежали в полностью разложенном салоне, на мягкой коже. На часах половина первого ночи. Не так уж и долго они вместе.

– Антон на такое не способен, – продолжала Эльвира.

– Зачем тогда замуж выходила?

– Тебе назло.

– Жалеешь?

– Очень... А ты?

– О том, что у тебя муж?

– Нет, о том, что у тебя жена.

– А я, может, тоже назло тебе женился, – поморщился Илья.

Эльвира наступила на его болезную мозоль, и он пока не понял, случайно она это сделала или преднамеренно. Хорошо, если случайно.

– И что мы друг другу доказали? Я со старым козлом, а ты со старой козой... А давай бросим все! – неожиданно предложила она.

– Что – все?

– Да все! Я брошу своего, ты бросишь свою, будем жить вместе... Помнишь, как мы мечтали создать свою семью?

– Помню, – буркнул Илья.

Он очень хорошо помнил, как Эльвира обещала ждать его из армии. А еще лучше помнил, как потрясла его весть об измене любимой девушки. До увольнения в запас оставалось всего ничего, когда он получил письмо от своего друга. Яшка Боков сначала сообщил ему, что Эльвиру видели с Толиком Каланчой, а затем нанес еще более болезненный удар – оказывается, через четыре месяца после того ее видели с надувшимся животом, и не абы где, а в женской консультации. Через недельку-другую после посещения врача живот исчез, а это значило, что Эльвира сделала аборт. Илья не смог простить ей измены и, вернувшись домой, ударился во все тяжкие – пьянки-гулянки, женщины оптом и в розницу. Эльвира пыталась объяснить с ним, но он ее даже не слушал. А когда она вышла замуж за своего Антона, заявился в ресторан, где пела и плясала свадьба, и устроил там самый настоящий дебош, после чего ушел в глубокий запой чуть ли не на целый месяц. Полтора года назад они случайно встретились у общих друзей на каком-то домашнем торжестве, но Эльвира очень спешила домой – потому как ее время вышло, а он все еще не мог простить ее, и снова они тогда разошлись как в море корабли. Зато сегодня, пусть и с досады, но он сам захотел встретиться с ней, и это желание оказалось настолько сильным, что довело его до порога дома, где она жила вместе с мужем. Он не побоялся узнать у общей подруги ее телефон, позвонить ей, пригласить на свидание. А она не испугалась своего мужа, поэтому они здесь, поэтому хоть и ненадолго,

но вместе.

– Ты ее создала, – не без упрёка сказал он.

Казалось бы, сейчас он должен был гнать от себя прочь прошлые обиды, чтобы не испортить настоящее. Но волна ревности захлестнула сознание, закоротила провода мозговых нервов.

– Ты так и не понял, – с горечью посмотрела на него Эльвира. – Не было у нас ничего с Каланчой.

– А как же больница?.. Ты же сама говорила, что Яшка не врет.

– Он не врал, он просто не так все понял. Толик пытался за мной ухаживать, но это же не значит, что я спала с ним. А больница... Ты же был в отпуске, мы же были вместе.

– Был в отпуске, – ехидно усмехнулся Илья. – За восемь месяцев до того. А тебе четвертый месяц поставили. Четвертый!

Они снова, в который уже раз, возвратились к этому разлучному для них разговору, и вновь в душе поднималась волна возмущения и обиды. Эта волна была уже не столь жгучей, как прежде, но Илья и сейчас испытывал боль. И все потому, что он не верил Эльвире. И не поверит.

– Кто тебе такое сказал, что четвертый? Сколько раз говорить, что не было такого диагноза? Я не знаю, кто это придумал!

– А в больнице ты была?

– Была.

– С животом?

– С животом.

– Я знаю, что ты скажешь дальше. Эмоциональный сдвиг, ложная беременность, – усмехнулся Илья.

– Да, эмоциональный сдвиг. Мы были вместе, я думала, что затяжелела, радовалась этому. А ничего не было. Первое время ничего не было. Я переживала, на этой почве у меня случился живот, но это был самообман, понимаешь? Не было ничего в животе, и врач мог бы это подтвердить...

– И где этот врач?

Врач ничего не мог подтвердить, потому что еще до того, как Илья возвратился из армии, он переехал куда-то в Санкт-Петербург, а новый его адрес и место работы в районной поликлинике никто не знал.

– Не знаю, – обреченно махнула рукой Эльвира. – Даже если бы я его нашла, ты все равно бы ему не поверил...

– А может, я верю тебе.

– Правда? – просветлела она.

– Ну, я читал про ложную беременность, такое случается...

И с Толиком Илья разговаривал. Тот не отрицал, что пытался приударить за Эльвирой, но, если ему верить, ничего такого с ней у него не было. Но вся беда в том, что Илья ему не верил... Зато сейчас он готов поверить и ему, и ей, и своему внутреннему голосу, который с самого начала и всякий раз безуспешно взывал к его благоразумию.

– И с Толиком ты точно не была, – вслух добавил он.

– Ну так почему же ты мне не веришь? – еще больше вознеслась духом Эльвира.

– Верю.

– Тогда почему мы не вместе?

– Вместе.

– Это ненадолго.

– Ну, сегодня расстанемся, завтра снова встретимся...

– Завтра может и не быть. Антон знает, где я, он посадит меня под замок, я не смогу к тебе прийти...

– Ты его боишься?

– Нет.

– Он может тебя ударить?

– Да что ты! Он пылинки с меня сдувает... Но закрыть дома может. Или в Нижний к сестре своей отправить... Давай сбежим от всех, а? – умоляюще посмотрела на Илью Эльвира.

– Куда?

– Не знаю, но все равно.

– Все равно, когда ни кола, ни двора... У тебя есть деньги?

– Нет.

– И у меня тоже.

– Деньги можно заработать.

Илья задумался. Деньги действительно можно было заработать, но как? Он же ничего не умел делать. После школы болтался без дела, после армии пытался работать штукату-

ром на стройке, смертельно устал уже через неделю и уволился. Месяца два искал работу, наконец, устроился официантом в кафе, продержался целых две недели. Еще полгода поисков работы принесли ему должность курьера в рекламной фирме, тоже долго не задержался. Зато сторожем на оптовом складе проработал целых два месяца... Последним местом его работы был фитнес-клуб, куда он устроился тренером-инструктором. Вот где ему понравилось по-настоящему, но через месяц его едва не уволили со скандалом – за то, что симпатичную дамочку-клиентку соблазнил. Впрочем, через две недели после этого он уволился сам, будущая жена Нила предложила ему работу личного инструктора. Он переехал к ней, она сделала ему предложение – он не отказался.

Илья давно понял, что безделье для него – лучшая работа. Поэтому он готов был и дальше жить с нелюбимой женой, лишь бы бить баклуши. И ехать непонятно куда сломя голову не хотелось. Эльвиру он любил, но думал встречаться с ней втайне от ее мужа и своей жены, миллионы людей так делают – и ничего.

Эльвира требовала от него ответа, и он уже сейчас мог дать его, потому как все для себя решил. Но все же он отделался от нее отговоркой:

– Мне нужно подумать.

– Да, я понимаю...

Она ничего не поняла, подумал Илья, поэтому ее жизне-

утверждающий пыл не угас. Но рано или поздно она все поймет и смирится с необходимостью бегать на свидания с ним тайком от мужа. Они оба приспособятся изменять своим половинам так, чтобы те ни о чем не догадывались...

– Я отвезу тебя домой, – сказал он.

Пикантность момента заключалась в том, что муж Эльвиры даже не догадывался, а точно знал, с кем и чем занимается сейчас его жена. Но Илья успокаивал себя тем, что ударить он ее не посмеет – она же сама о том говорила. А раз так, он с легкой душой может расстаться с ней... Но как ни успокаивал он себя, камень на душе оставался. Боялся он за Эльвиру и все же повез ее домой.

– Ты долго будешь думать? – в дороге допытывалась она.

– Нет, – мотнул он головой.

– А когда мы уедем?

– Уедем.

Эльвира сняла со своего пальца золотой перстенок с изумрудом, сняла с руля его правую руку, окольцевала мизинец.

– Зачем это?

– Чтобы ты скорее думал... И чтобы не забывал, – с озорными искорками над темной, тоскливой пустыней во взгляде сказала она.

– Что за глупости, я не смогу тебя забыть... Я тебе завтра позвоню...

– Да, конечно, только не на домашний, а на мобильный... Скажи свой номер.

Из кармана своего плаща она достала сотовый телефон. При этом из кармана вывалился пластиковый прямоугольник. Илья подобрал его, это были ее водительские права.

– В дорогу собралась? – усмехнулся он.

– Да, с тобой, – кивнула она.

– На своей машине?

– Могу взять свою...

Илья задумался. Если ее машина так же хороша, как и его, то, продав их, они запросто могут купить хорошую квартиру с ремонтом и обстановкой где-нибудь в провинциальном городе. Но что дальше?..

– У меня их много, – улыбнулась Эльвира.

– Сколько?

– Две... Только на одной я никогда ездить не буду.

– Почему?

– Потому.

На своем телефоне она набрала номер, который продиктовал ей Илья, и его мобильник, закрепленный на «торпед» автомобиля, отозвался свадебным маршем Мендельсона, на дисплее высветился нужный ему набор цифр.

– Ух ты! Какая у тебя мелодия! – повеселела она. – Как думаешь, это к лучшему или к худшему?

– Какая же ты глупая! Конечно, к лучшему!..

Илья вывел машину на улицу, где жила Эльвира.

– Здесь останови, – попросила она.

– Так еще же далеко.

– Всего два перекрестка. Я пешком дойду... Не хочу, чтобы Антон видел, что я на машине. Он же не спит, в окно смотрит. А может, по улице ходит...

– Достанется тебе.

– Ничего, переживу. Только ты не тяни с ответом, ладно?

Илья кивнул, обозначая «да», и Эльвира не поняла, что этот знак скорее означает «нет».

@Int-20 = Перегудов заметил замешательство в его глазах. С силой надавил на него взглядом, пытаясь выжать правду изнутри.

– И где драгоценности?

– Нет у меня ничего, – мотнул головой Илья.

– А если хорошо подумать?... Сознаешься добровольно, избавишь свой прекрасный дом от агрессивного вторжения. Поверь, обыск – это даже хуже монголо-татарского нашествия...

Илья решил, что лучше сознаться. Не так уж хорошо спрятан перстень, чтобы не беспокоиться за него. Если он выдаст его сам, то еще будет шанс выпутаться из силков, которые поставил на него муж Эльвиры. А будет запираяться – настроит против себя следователя, тогда на него ополчится вся милиция.

– У меня только перстень, – выжал он из себя.

– Какой перстень? – Губы Перегудова скривила торжествующая полуулыбка.

– С изумрудом... Эльвира мне сама его подарила.

– Где он?

– У меня в комнате.

– Пошли.

Следователь отправился в комнату вслед за ним, дождался, когда Илья достанет из ящика стола и покажет ему перстень. Но в руки его не взял.

– Хорошо. Положи его к себе в карман, – сказал он и тут же достал из куртки мобильник, нажал кнопку вызова, спустя секунды обратился к невидимому абоненту: – Все нормально. Найди людей и давай сюда...

О каких людях он говорил, Илья понял чуть позже, когда в дом пожаловал помощник Перегудова в обществе кухарки и садовника из соседнего дома. Это были не просто люди, это были понятия, в присутствии которых, под протокол, следователь изъям у Ильи злополучный перстень.

Глава третья

Дальше события развивались со скоростью и непредсказуемостью сошедшего с рельсов поезда. Перегудов предложил Илье отдать ему золотую цепочку и серьги, принадлежавшие Эльвире, но тот возмущенно ответил, что их у него нет и быть не может. Тогда Перегудов настоятельно попросил его проехаться с ним в управление внутренних дел, он отказываться не стал, но, прежде чем отправиться в путь, позвонил жене. Вернее, попытался дозвониться ей, но безуспешно: секретарша в офисе сказала, что Нила Германовна выехала по делам, а ее мобильник находился где-то вне зоны доступа. Так ничего и не добившись, Илья сел в машину и по прошествии получаса в сопровождении Перегудова на слабеющих от волнения ногах входил в его кабинет.

– Если это допрос, то без адвоката я разговаривать с вами не буду, – выложил он рожденную в дороге фразу.

– Это не допрос, это беседа, – усмехнулся следователь. – И советую беседовать со мной начистоту. Поверьте, это в ваших же интересах... Я не буду сейчас искать пропавшую цепочку и серьги, достаточно перстня, который мы изъяли у вас...

– Вы наконец-то скажете, в чем меня обвиняют? – в паническом состоянии духа, но возмущенно спросил Илья.

– Вас не обвиняют, вас пока что подозревают в убийстве

гражданки Окуловой.

– В убийстве?!

Если бы сейчас где-нибудь рядом за окном взорвалась бомба, Илью бы это не потрясло так, как потрясло это обухом опустившееся на голову известие.

– То есть вы хотите сказать, что Эльвиры больше нет?

– Я не хотел бы этого говорить, но скажу. Да, ее больше нет. И никогда не будет. Ее зарезали.

Перегудов смотрел на него в упор, намертво вцепившись в него внимательным взглядом.

– Зарезали?!

– Да, ножом... Или нет?

– Кто ее зарезал?

– Вы!

– Я ее не резал!

– Верно, вы ее не резали.

– Зачем же вы мне тогда голову морочите? – Илья с облегчением перевел дух.

– Вы сбросили ее с моста в реку.

И снова у него перехватило дыхание.

– Я?! С моста?! В реку?!.. Вас не поймешь, то я ее зарезал, то сбросил с моста! Вы что, издеваетесь надо мной?

– Прежде чем сбросить ее с моста, вы ее изнасиловали, а затем и ограбили – с мясом из мочек ушей вырвали сережки, сорвали цепочку с кулоном, с пальца сняли перстень...

В какой-то момент Илье показалось, что Перегудов обви-

няет в убийстве и ограблении кого-то другого. Да и как могло быть иначе, если он не убивал Эльвиру? Но помимо них двоих в кабинете никого не было, значит, следователь обращался именно к нему, а не к кому-то другому.

– Это неправда...

– А это что? Тоже, скажете, неправда?

Перегудов выложил перед ним ряд фотографий. Мертвая Эльвира в одной ночной рубашке на песчаном берегу, она же, с закрытыми глазами и неживым лицом, но уже без ничего на железном столе в морге. Жуткие снимки, жуткие впечатления...

– Но это не я! – схватился за голову Илья.

Сознание отказывалось воспринимать навалившуюся на него действительность, душа не хотела соглашаться с тем, что Эльвиры больше нет.

– А кто?

– Не знаю... Я ничего не знаю...

– Может быть, я вам подскажу. Насколько мне известно, вы с Эльвирой долгое время были в ссоре.

– Можно сказать, что да. Но мы помирились.

– Когда?

– Позавчера.

– Сколько лет вы были в ссоре?

– Четыре года.

– А позавчерашней ночью вы вдруг помирились, и в эту же ночь Эльвиры не стало. Вам не кажется это странным?

– Не кажется... Это муж ее убил, ее муж, Антон его зовут...

– Как он мог ее убить, если он больше не видел ее живой после того, как она уехала с вами.

– Я отвез ее домой.

– Когда?

– Около двух часов ночи.

– Но домой она не возвращалась. Мы просмотрели запись с домашней системы видеонаблюдения, которую нам представил господин Окулов, так вот – домой через калитку или ворота она не проходила. Глупо думать, что она перелезла через забор, вы не находите?

– Я отвез ее домой.

– Если бы вы подвезли ее к дому, ваша машина попала бы в объектив видеокамеры.

– Она вышла за два перекрестка до дома: захотела пройтись пешком.

– За два перекрестка? Не слишком ли далеко?

– Ну, далековато... Может, с ней по пути что-то случилось?

Наконец-то до Ильи во всей своей полноте дошло, что Эльвиры больше нет и никогда не будет. Он очень сожалел о том, что так случилось. Но еще больше он сожалел о том, что в убийстве обвиняют его. Эльвиру уже не вернешь, а ему еще жить и жить, поэтому он думал сейчас больше о себе, чем о ней.

– Ночь темная была, поздно, может, подонки какие-то навстречу ей попались. Вы говорите, что ее с моста скинули, а там и мост недалеко.

– Мост недалеко, – кивнул Перегудов. – Северный мост недалеко. А ее с Южного сбросили, а это выезд с другой части города, туда пешком долго идти...

– Почему пешком? Может, они на машине были.

– На машине вы были. И вы могли отвезти ее к Южному мосту...

– Чтобы ограбить и убить? Но зачем мне было грабить ее? У меня все есть, я ни в чем не нуждаюсь...

– Значит, грабить было незачем. А убивать, значит, было зачем?

– Не цепляйтесь к словам.

– А вы объясните мне, как у вас оказался перстень гражданки Окуловой?

– Она мне его подарила... Э-э, в знак примирения...

– А почему так неуверенно?

– Потому что на самом деле... Это долго объяснять... В общем, она хотела убежать от своего мужа вместе со мной. Я обещал подумать. Она и подарила мне кольцо, чтобы я скорее думал...

– Скажу вам так: ваше объяснение звучит как детский лепет. Вы путаетесь в своих показаниях, а путаетесь, потому что врете. Выслушайте меня внимательно, молодой человек, и поверьте, что я говорю правду. В ночь с двадцать девятого

на тридцатое апреля сего года вы были с гражданкой Окуловой в своей машине. С тех пор как она села к вам в машину, живой ее больше никто не видел. Перед тем как убить свою жертву, преступник изнасиловал ее и ограбил. Перстень с изумрудом, который по описанию ее супруга принадлежал ей, нашли у вас!.. Чем вы еще занимались с ней в своей машине, перед тем как убить?

– Я ее не убивал! – нервно мотнул головой Илья.

– Но вы же чем-то занимались с ней в машине?

– Да, мы любили друг друга.

– Без использования изделия «номер два», – скорее утвердительно, нежели вопросительно сказал Перегудов.

– Без, – подтвердил Илья.

– Тогда, поверьте мне, экспертиза докажет, что в половую связь с гражданкой Окуловой перед самой ее смертью вступали именно вы, а не кто-то другой. Это, а также обнаруженный вами перстень накрепко привяжет вас к убийству. Вам не отвертеться, гражданин Теплицын, уверяю вас, вы будете признаны виновным в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Вам сказать, что это значит? Это значит, что вам грозит очень и очень большой срок, возможно, пятнадцать лет. А может случиться так, что вас осудят на пожизненное заключение...

– Но за что? – навзрыд, в полном упадке сил и духа спросил Илья.

– За убийство, дорогой мой, за убийство. Сначала вас от-

правят в тюрьму, в грязную, вонючую камеру, до отказа набитую всяким уголовным отребьем... Я вижу, ты, Илья, парень крепкий, но поверь, в общении с уголовниками это тебе не поможет. Это очень страшные и опасные люди, это тараканы, которые живут в своем таком же страшном и опасном мире, и таких красавчиков, как ты, предпочитают исключительно в качестве веселой забавы – для них веселой, но никак не для тебя. Я даже боюсь думать, что будет с тобой в тюрьме. Вряд ли ты долго там протянешь...

Илья разволновался не на шутку. Одна половина его сознания присутствовала в кабинете и слушала следователя, другая также внимала его угрозам, но находилась при этом в мерзостной и зловонной камере. Воображение рисовало ему страшные картины. Размалеванный тушью с ног до головы уголовник с размаху бьет его кулаком в лицо, Илья ставит блок, но кто-то сзади тут же набрасывается на него, руками обхватывает голову. Его валят на пол, бьют ногами, пока он сначала не теряет сознание, а затем и душу, которая зависает где-то под облепленным мухами потолком и наблюдает, как разъяренные уголовники отрезают мертвую голову от такого же мертвого тела, чтобы затем нацепить ее на кол...

– Но у тебя есть выход, – сказал Перегудов.

– Какой? – с дряблой надеждой посмотрел на него Илья.

Вторая половина сознания медленно, но все же втянулась в кабинет следователя, неплотно и не впритык примкнула к первой.

– Чистосердечное признание. Я тебе больше скажу, па-
рень, еще не поздно оформить явку с повинной...

– Это как? – наострил ухо Илья.

Вне себя от переживания он не заметил хитрого иезуит-
ского блеска в глазах следователя.

– Да очень просто. Я тебя не задерживал, обвинения не
выдвигал, так что в протоколе можно записать, что ты сам
пришел ко мне, чтобы признаться в убийстве...

– Но я же не убивал.

– Что ж, если так, то явка с повинной отпадает. А зря. Яв-
ка с повинной не только существенно смягчает наказание,
но и служит основанием для того, чтобы отпустить обвиняе-
мого домой под подписку о невыезде. То есть в период след-
ствия, до начала судебного процесса ты, Илья, можешь спо-
койно находиться дома, жить в комфортных условиях, зани-
маться спортом, плавать в домашнем бассейне... У тебя же
дома есть бассейн?

Илья утвердительно кивнул. Как бы хотел он сейчас ныр-
нуть в прохладную воду крытого бассейна, смыть головную
боль, утопить животный страх и память о тех ужасах, кото-
рые навалились на него сегодня.

– Вот и отлично. Напишешь чистосердечное признание,
покаешься и с облегченной душой отправишься домой, под
крылышко к своей любимой жене...

Жену Илья не любил и в прежней своей жизни был уве-
рен, что никогда ее не полюбит. Но сейчас, стоя за чертой,

которая отделяла его от плахи, он вдруг понял, что невозможное может стать возможным. Пусть Нила не красивая, пусть от нее частенько пахнет потом, но с ней он будет жить на свободе, одна мысль о которой окрыляла и вдохновляла на безумные подвиги...

– Если, конечно, правильно все напишешь, – добавил следователь.

– Что значит – правильно? – всем телом искательно подался к нему Илья.

– Ты ревновал Эльвиру к ее мужу?

– Да. И не только к нему.

– К кому еще?

– К Толику, Каланча его фамилия. У них роман был... Ну, я думал, что у них там было... А может, и правда было... Мы же потому и расстались...

– Вот так и напиши, так, мол, и так, переспал с Эльвирой, а она возьми да скажи, что с этим Толиком ей было лучше. Или с мужем, не суть важно... Или сам придумай повод для ревности, но так, чтобы убедительно. Убийство из ревности тоже преступление, но это уже другая, гораздо более мягкая статья. Можешь отделаться условным сроком. До суда будешь находиться под домашним арестом, а суд вынесет тебе три, ну, может, четыре года условно...

– Мне кажется, я должен позвонить своей жене.

– Зачем?

– У нее есть знакомый адвокат.

– Адвокат – это хорошо. Но адвокат может все испортить. В присутствии адвоката я не могу принять явку с повинной, в присутствии адвоката она будет признана недействительной. А без явки с повинной тебя ни под залог, ни под подписку не выпустят. И срок условный не дадут... И вообще, советую тебе не тянуть с этим делом. Время идет, скоро рабочий день закончится, а завтра явку с повинной уже не примут, после двадцати четырех ноль-ноль выйдет срок. И начнется уже другой – тюремный. Так что решай поскорее. Невольно я тебя не могу и не буду...

Неназойливый и убедительный тон следователя внушил Илье безотчетную, но достаточно прочную веру в его слова. В конце концов он взялся за ручку и на двух листах написал «сочинение» на тему, им предложенную.

Перегудов внимательно прочитал признание, удовлетворенно кивнул и положил его в сейф.

– Я могу идти? – по простоте своей душевной спросил Илья.

– Куда? – отнюдь не бесхитростно удивился следователь.

– Вы же сами говорили, что теперь меня можно отпустить под подписку или под залог.

– Говорил. Но не я отпускаю. Отпускает судья.

– Ну, пусть он отпустит, какая разница?

– Разница большая. Сначала он должен рассмотреть ваше дело, затем назначить дату судебного заседания, а там уже примет решение.

– И как долго все это будет?

– Ну, неделя, может, две...

– Так долго? И что же мне до этого дня делать?

– Жить будете в гостинице, в бесплатном номере, под охраной...

– Зачем охрана?

– Ну мало ли что? Вдруг муж убитой вами девушки захочет свести с вами счеты. Мы же теперь все знаем, что это вы убили Эльвиру.

– Но я не убивал.

– А чистосердечное признание? – с коварными блесками в глазах улыбнулся Перегудов.

– Но это же неправда.

– А что это?

– Ну, скажем так, хитрый ход.

– А знаешь, что в народе говорят? На каждый хитрый ход есть еще более хитрый ход с винтом... Значит, так, явку с повинной мы оформим, твое чистосердечное признание у меня, о деталях поговорим позже, а сейчас мне некогда, в прокуратуру надо ехать за постановлением на твой арест и на обыск...

– На арест?! – пришибленно протянул Илья.

– И на обыск, – свысока усмехнулся Перегудов.

– Где обыск?

– В твоём доме.

– Но у вас же было постановление.

– Не было ничего.

– Но вы же говорили...

– Сказать можно что угодно – не словам, бумагам надо верить. Вот ты признался на бумаге, и теперь я точно знаю, кто Эльвиру Окулову с моста в реку сбросил.

– Но это же не я.

– Написанное пером не вырубешь топором, даже если это адвокат с топором... Все, после поговорим. А пока в номера! Пошли!

Илья уже догадался, что обещанный номер не имеет ничего общего с гостиницей, но все же надеялся, что это не тюремная камера. Возможно, в здание УВД есть специальные комнаты для гостей вышестоящих инстанций, может, в одну из них его и определяют.

И действительно, комнаты были, в подвале здания, но, как выяснилось, вовсе не для тех гостей, о которых Илье хотелось думать. Как он и опасался, эти номера назывались тюремными камерами, а сама «гостиница» – изолятором временного содержания.

Оштукатуренные и свежепобеленные стены широкого и гулко-го коридора внушали мысль о том, что ремонт сделан и в самих камерах, но ничуть не бывало. Помощник дежурного по изолятору отворил тяжелую дверь, не так давно выкрашенную в темно-серый цвет, и втолкнул Илью в какой-то темный закуток, из которого пахло мерзким смрадом невымытых тел и туалетных нечистот.

Но куда больше вони он боялся встречи с тюремными монстрами, которые, казалось, вот-вот набросятся на него из тьмы своей убогой норы. От страха он даже невольно зажмурился, и напрасно – не было никаких чудовищ с горящими глазами и оскаленными клыками. Тишину в камере разбавлял только чей-то храп.

Глаза привыкали к полутьме помещения, находившиеся в нем предметы принимали очертания. Под потолком крохотное оконце, настолько перекрытое слоями решеток и прочих заграждений, что ни свет через него в камеру не поступал, ни свежий воздух. Под потолком лампочка – сама по себе тусклая да еще закутанная в жестяной кожух с пробитыми в них отверстиями, едва пропускавшими свет. У самой двери слева знакомая по армейскому быту чаша «Генуя», лет сто не мытая и нечищенная, да еще кто-то в душу ей нагадил и не смыл... К стене примыкали четыре дощатых лежака в два яруса, но занят был только один. На нарах безмятежно посапывал-похрапывал бородатый и смердящий мужик в грязной куртке и мокрых, как показалось Илье, штанах. Он спал прямо в ботинках с подошвами на самодельных подвязках, под головой какой-то баул, от которого воняло не меньше, чем от его обладателя. Как будто кот в этом мешке сдох еще в прошлом году...

Илья сел на краешек нар, обхватил голову руками. Монстров в этой камере не было, но ужас бытия все равно встал перед ним в полный рост. Какая-то непонятная хлябь под

ногами, рядом смрадный бомж, сортир забит нечистотами, а ведь это еще не тюрьма. Там наверняка все во сто крат хуже: и бомжей побольше, и грязь погуще, но самое страшное – это уголовные монстры, от которых неопытным новичкам нет житья. Илья помнил, как измывались над ним в армии злобные деды, но сейчас, в ожидании грядущих ужасов, их унижающие издевки казались милыми цветочками по сравнению с ядовитыми, а оттого смертельно опасными волчьими ягодами...

* * *

Палящие глаза Нилы немилосердно жгли душу.

– Ты спал с ней?

В ее словах звучала злая, беспощадная ирония.

– Да, – не стал отнекиваться Илья.

Отпираться не было смысла: она знала все и без него.

– Я так и знала, что в ту ночь ты мне изменил, – желчно усмехнулась она.

– Ты тоже в долгу не осталась, – подавленно буркнул он.

– Не осталась. И дальше буду с мальчиками дружить. Ты в тюрьме будешь гнить, а я с мальчиками дружить.

– Зачем ты так?

– А ты как со мной поступил? Зачем в душу плюнул?

– Я же не просто так, я же ее любил...

– А меня?.. Ладно, можешь не отвечать. Сама знаю, что

не любишь...

– Ну почему же... – начал было Илья, но Нила его оборвала:

– Заткнись!

– Не надо так со мной, – нахмурился он.

– А то что? – ехидно вскинулась она. – На развод подашь? Так я и сама с тобой разведусь. Как только тебя осудят за убийство, так и разведусь, без всяких проволочек...

– Разводись, – убито пожал он плечами и так же пришибленно добавил: – Если тебе станет от этого легче, разведись...

– Да нет, легче мне не станет... Как же ты мог, Илья? Что тебе не хватало со мной?

– Выпил много, переклинило...

– А убил зачем?

– Я не убивал.

– Следовательно так не считает.

– А ты сама как думаешь?

– Думаю, что ты свинья...

– Тогда зачем пришла?

Илья уже третьи сутки находился в камере предварительного заключения. И только сегодня Нила снизошла до свидания с ним.

– А к свиньям тоже, знаешь ли, привязываются.

– Ну так вытащи меня отсюда! – с надеждой воззвал к ней Илья.

– Как?

– У тебя деньги, связи.

– У Окулова связи покруче и денег не меньше. А ты его жену убил. Он уже к прокурору ездил, не просто так. Влип ты, парень, крепко влип... С адвокатом я тебе, конечно, помогу, передачи в тюрьму... И еще Андрея попрошу, чтобы он за тобой присмотрел...

– Андрея?!

Илья чуть не разрыдался от подступившей к горлу горечи. Совсем недавно он уверял Андрея, что никогда и ни за что не переступит черту закона, убеждал его в том, что порядочные люди за решетку не попадают. И на тебе, как будто в наказание за это угодил в тюремный переплет. До слез обидно, до зубовного скрежета жаль себя.

– Да, племянника своего. Как чувствовала, что надобность в нем появится...

– Лучше бы не появлялась.

– Ладно, не кисни. Что-нибудь придумаем, – успокоила его подобревшая жена. – В беде не бросим... А когда вытащим тебя отсюда, подумаю, разводиться с тобой или нет.

– Или нет, – чуть ли не с мольбой во взгляде подсказал Илья.

Если раньше жизнь с Нилой устраивала только с материальной стороны, то сейчас он думал иначе. И дело не в любви, которой к ней никогда не будет. На фоне пережитого и переживаемого она воспринималась им как символ не про-

сто беспечной, но и безопасной жизни. Пока он был рядом с ней, пока не ходил на сторону, все было в полном порядке, но стоило ему сорваться с цепи, как все рухнуло в одночасье... Но пока она с ним, пока за него, еще есть шанс выкарабкаться. Она заплатит адвокату, она подстегнет милицию, чтобы там побыстрее нашли настоящего преступника, она сделает все, чтобы вытащить Илью из тюрьмы. И если это произойдет, он уже точно никогда больше не изменит ей. Любовь к ней вспылать не сможет, но повода для разочарования больше не подаст... Эх, если бы чудо произошло прямо сейчас! Но, увы, Нила – не Господь Бог, и связей у нее в небесной канцелярии нет. Так что придется потерпеть...

Глава четвертая

Однажды, не так давно, Илья ехал на своей машине по городу, на перекрестке рядом с ним остановился милицейский фургон светло-зеленого цвета с зарешеченным окном, из которого изможденно-безнадежными глазами смотрел на него находившийся за ним человек. Тогда он посмеялся в душе над несчастным, считая, что ему такая участь не грозит. Но как сильно он ошибался...

– Пошел, быстрее!

Илью не били, не толкали, но сама атмосфера всеобщей нервозности подстегивала похлеще кнута. Он заскочил в клетку автозака так прытко, как будто там можно было спрятаться от людей, стоявших на заднем дворе милицейского здания, как будто здесь была тишина и покой. Но глупую иллюзию мгновенно разрушил забравшийся вслед за ним в машину собрат по несчастью – чахлый узкогрудый дяденька с бледным лицом и красными воспаленными глазами. Он тоже шел этапом в следственный изолятор. За ним был испито-интеллигентного вида мужчина в мятом и грязном, но добротном пальто, затем – худощавый, нескладный, истерично-веселый паренек с лысой головой и подбитым глазом... Появившиеся конвоиры заперли сначала одну клетку, затем вторую, примостились на скамейках у двери. Это были совсем молодые ребята, младше Ильи, но власть, которой они

обладали в силу своего положения и должностных инструкции, делала их старше и значимей, чем они были на самом деле.

Паренек с синяком под глазом достал из кармана пачку сигарет, закурил.

– Не положено, – басовитым, но срывающимся на фальцет голосом одернул его конвоир с сержантскими лычками на погонах.

– Да ладно тебе, браток! – развязно, рисуясь, отмахнулся от него смельчак.

Он должен был затушить сигарету, но не сделал этого, за что поплатились все, кто сидел рядом с ним. Конвоир выдернул из специального крепления огнетушитель, ударил колпаком о пол – тотчас белая разъяренно-неудержимая струя с ревом вырвалась из недр сифона и затушила не только сигарету, но и наглость дерзкого курильщика. Илье тоже досталось – хлопья холодной пены заляпали одежду и лицо, не больно, но такое ощущение, будто оплеуху получил...

Но глупый смельчак не унимался.

– Козлы! – как резаный взвизгнул он, когда ресурс огнетушителя иссяк.

– Что ты сказал! – возмущенно взревел конвоир.

Илье показалось, что сейчас он откроет решетку, чтобы избить своего обидчика, но он всего лишь вытащил из кармана трубку мобильного телефона и кому-то позвонил. Говорил он тихо, а железо грохотало громко, поэтому слов

Илья не услышал, но интуитивно уловил «запах жареного»...

Машина остановилась, с улицы донесся едва уловимый гул. Точно с таким же звуком отодвигались в сторону створки ворот на контрольно-пропускном пункте в части, где служил Илья. И сейчас гудят ворота – но это уже не армия, это тюрьма, что несоизмеримо хуже. Он чувствовал себя так, будто перед ним открывались ворота в преисподнюю.

Автозак тронулся с места, снова остановился, звук закрываемых ворот возвестил о том, что назад, в привычный и такой желанный мир, хода нет. Донесшийся до слуха лай собак вызвал злорадную улыбку на лице конвоира.

– Сейчас мы посмотрим, кто у нас тут козел! – открывая дверь наружу, сказал он.

Лай собак стал громче, осязаемей. А конвоир тем временем открыл решетку и выпрыгнул из машины через опасную открытую дверь. Илья невольно сжался в ожидании, когда в клетку запрыгнет огромный волкодав и вцепится ему в горло.

– Бакарян! – донеслось со двора.

– А-а, я! – вскочил со своего места и суетливо задергался среднего роста кавказец с черными, как будто накрашенными бровями.

Он понимал, что ему нужно выходить из машины, но его тормозил панический ужас перед страшной действительностью, которая ждала его в тюремном дворе.

– Бакарян, зараза!

Армянин в ужасе схватился за голову, инстинктивно прижимая ее к груди, выскочил из фургона и тут же попал под град ударов, которым осыпали его вооруженные дубинками тюремщики.

– Теплицын!

Илья ждал, когда назовут его фамилию, но все же замешкался и не столь прытко покинул автозак, как от него ждали, поэтому и ему досталась щедрая порция кнутов без пряников. Били его по спине, но голову он все же закрывал – одной рукой, другой поддерживал свисающую с плеча спортивную сумку с добром. Все закончилось, когда он миновал живой коридор из тюремщиков и оказался в просторном, ярко освещенном помещении, где уже выстраивалась шеренга из арестантов. Это помещение на языке тюремного начальства называлось «вокзалом», отсюда прибывших по этапу заключенных отправляли дальше – в самую глубь мрачных и страшных тюремных казематов.

Выражение превосходства, что наблюдал Илья на лицах конвоиров из автозака, не шло ни в какое сравнение с печатью презрительного чванства, наложенной на самодовольный лик офицера с повязкой дежурного помощника начальника следственного изолятора. Он был в военной форме российского образца, но, глядя на него, Илья почему-то видел гестаповца из старых кинофильмов о войне. Небрежно покачиваясь на широко разведенных ногах, он высокомерно

рассматривал толпу арестантов, в конце концов снизошел до общения с ними. Никаких инструкций, никаких пожеланий, только голая переключка. «Бакарян... Матюшин... Теплицын...» Илья громким голосом отозвался на свою фамилию и невольно вжал голову в плечи, как будто откуда-то с потолка на нее могла упасть дамоклова дубинка.

Переключка закончилась, прапорщик в камуфлированной куртке забрал со стола охапку личных дел, а дежурный помощник распорядился отправить всех куда-то на «сборку».

«Сборкой» называлась большая полутемная камера с черными от копоти стенами и потолком. Холодный с острыми выступами бетонный пол – казалось, что по нему, если босиком, ходить смог бы только йог. Под потолком узкие щели, закрытые и перекрытые решетками и ресничками – полная аналогия с камерой в изоляторе временного содержания. Но лежаков здесь не было, только узкая скамейка, отполированная задами тысяч арестантов, прошедших через это «чистилище». И отхожее место существенно отличалось от того, что видел Илья в своей первой, так и не ставшей последней камере. Там было хоть какое-то подобие унитаза, а здесь, в углу возле двери, прямо в полу – дыра с двумя деревянными колодками для ног, дерьма – что грязи на сельской улице в ненастье. Осколок трубы над дыркой, вода еле сочится, чтобы набрать кружку, надо ждать не одну минуту. Вонь такая, что резало глаза и закладывало нос, Илье казалось, что она не просто колышется в воздухе, а pulverизаторной взвесью

наслаивается на кожу лица, рук, откладывается гниющими наростами на слизистых оболочках.

– Ну, чего стоишь, как неживой! Сюда давай!

Бойкий паренек с подбитым глазом не терялся, он уже занял место на скамейке, достал из сумки большую алюминиевую кружку, пачку чая. Илья подсел к нему.

– По первому разу здесь? – бойко спросил парень.

– Впервые.

– Архип.

– Илья.

Обычно знакомство скрепляется рукопожатием, но паренек даже плечом не повел, чтобы протянуть ему руку. Впрочем, Илья в том и не нуждался.

– Сейчас чай пить будем, – объявил Архип.

И беспардонно всучил Илье пустую кружку, пальцем показал на вонючий угол, где можно было разжиться водой. Но Илья упрямо мотнул головой. Он хотел до ветру, но крепился – лишь бы не подходить к зловонной дырке. Неплохо было бы чайком побаловаться, но уж лучше обойтись без него, чем набирать воду из смердящего «родника».

– Ты что, не понял? – нахохлился Архип.

Беспечная, казалось бы, улыбка сошла с его лица, в глазах колко блеснули хищные стрелки.

– Тебе сказали воды принести, давай, двигай!

Илья физически был крепче этого нахала, но ему не хватило крепости духа, чтобы перечить ему дальше. Он не то

чтобы боялся Архипа, но и связываться с ним не хотел. Да и не так уж и трудно набрать воды. Воняет, да, но здесь, в тюрьме, так будет всегда, так что надо привыкать.

Илья подошел к отхожему месту, которое здесь называлось дючкой, зажимая пальцами нос, набрал в кружку воды, принес ее Архипу.

– Ну вот, браток, а ты боялся! – одними губами улыбнулся тот и вроде как от доброты душевной похлопал Илью по плечу.

И тут же толкнул в бок интеллигента, сидевшего по другую от него сторону.

– Не спи, мужик, замерзнешь. Дрова давай!

– Дрова?! – удивился тот. – Позвольте, откуда у меня могут быть дрова!

– Не позволю... Майку давай, полотенце, что там у тебя есть...

– Ах да, могу дать полотенце. Правда, оно не совсем свежее...

Интеллигент полез в свою сумку, но Архип вырвал ее у него из рук, подтянул к себе, сам порылся в ней – вытащил оттуда и забрал себе несвежее, уже не раз использованное полотенце, также присвоил другое, тоже не очень чистое, но сухое.

– Зачем ты так делаешь? – вяло и даже затравленно возмутился мужчина. – Так нельзя!

– Да ладно тебе, угомонись!

Архип вернул ему сумку, одно конфискованное полотенце свернул плотным жгутом, положил на пол и, сев на корточки, поджег, вторым обмотал ручку кружки и поднял ее над огнем.

– Учитесь, пока я жив, – наслаждаясь своим превосходством над новичками, улыбнулся он во всю ширь своего щербатого рта.

От горящего полотенца поднимался едкий, чадающий дым, но Илью он не раздражал, скорее напротив. Этот дым заглушал вонь от сортира, а еще от него веяло теплом пусть и не домашнего, но все же очага, над которым грелась вода.

До кипения чай доводил уже Кирилл – так звали спившегося интеллигента. Сам Архип обжигать руки не захотел.

В закипевшую воду он бросил полпачки чая, накрыл ее тетрадкой из своей сумки. Илья полез в сумку, достал оттуда сахар и печенье – хоть и злилась на него Нила, но «тормозок» в дорогу передала.

– Зачем это? – недоуменно, с надменной усмешкой спросил Архип.

– Как зачем? – удивился Илья. – К чаю!

– Это не чай, это чифирь, а фичирь без сахара пьют, на голодный желудок. Тогда кайф, тогда торкнет... И еще чифирь по кругу гоняют, по два глотка на морду лица. И чтобы на корточках, понял?

– Зачем на корточках? Лавка ж есть.

Архип глянул на Илью, как на олигофрена-переростка.

– Это традиция в тюрьме такая, понял! Все делается на корточках!

– Почему?

– Потому! Надо так! Все блатные на корточках сидят! Это у них свято...

Илья понял, что Архип и сам толком не знал, почему блатные, представители тюремно-невольничьей элиты, любят сидеть на корточках. Как говорится, слышал звон, а откуда он – показать не может.

– Это не святость, – покачал головой Кирилл. – Это элементарные правила гигиены. На зоне туго со стульями и табуретками, люди на койках сидят, на одеялах, и если булки свои сначала на грязную землю опускать, а потом на койку – это уже свинство...

– А ты что, умный такой? – неприязненно глянул на него Архип.

– Умный, – ничуть не смутившись, кивнул тот. – Ученая степень у меня, кандидат физико-математических наук...

– Профессор, что ли?

– Когда в прошлый раз сидел, да, Профессором называли.

– Так ты что, уже сидел?

– Да, пять лет отмотал: год в Сизо, четыре в зоне, – спокойно, ничуть не хвастаясь этим сказал Кирилл. Но на Архипа глянул смущающим взглядом – парень враз поскуchnел.

– А за что?

– За все хорошее. В институте преподавал, студентки бы-

ли, – больше обращаясь к самому себе, нежели к другим, горько усмехнулся Кирилл. – Роман у меня с одной случился, жениться на ней хотел, а ей не я был нужен, а оценки в зачетке. Я же помогал ей, во всем помогал. Закончила институт и деньги с меня требовать стала, за то что я спал с ней... Если бы просто требовала, так нет, подставила. В изнасиловании меня обвинила, восемь лет мне дали...

– В изнасиловании? – шарахнулся от него Архип.

– Да не дергайся ты, – глянув на него, небрежно усмехнулся Кирилл. – Ничего со мной в тюрьме не было. Эта стерва только передо мной невинную строила, а сама проституткой была... Короче, братва во всем разобралась, не тронули меня...

– Точно?

– Точнее не бывает.

– Смотри у меня!

– Это ты у меня смотри! – с непривычным для него хищно-нападающим выражением глаз усмехнулся Кирилл. – Ты в сумку ко мне залез, а это знаешь, как здесь называется? Крысятничество это! Я ведь и предъявить могу!

Архип нервно провел всей пятерней по своей щеке.

– Ты, это, извини, я ж, это, не для себя, для всех.

– Твое счастье, что для всех. Сам-то ты не сидел, нет.

– Кто сказал? – встрепенулся Архип.

– Я сказал. Может, неделю-две под следствием провел, и то в капэзэ.

– Да нет, не в капэзэ... Здесь я был две недели... Потом выпустили за недоказанностью...

Илье показалось, что Архипу совсем не хочется рассказывать о том, как и за что он провел две недели в следственном изоляторе. Видимо, не очень хорошие воспоминания остались у него после этого.

– Чай уже заварился! – спохватился он. – Чай сейчас пить будем!

Илья обратил внимание, что из его голоса исчезли приклатненные интонации. Упростился человек, присмирел.

– Правильно ты сказал, что это чай у тебя, – отхлебнув из кружки, усмехнулся Кирилл. – Слабоват он у тебя для чифира. С сахарком будем пить, с печеньицем, да, Илья?

Илья кивнул и снова вытащил из сумки спрятанный было сахар и прочую бакалею.

Архип уже не пытался опустить чаевников на корточки, поэтому чай пили, сидя на скамье. Горячий напиток уютно обогрел душу, галетное печенье, в меру сладкое, хрустело на зубах так приятно, что не хотелось останавливаться, хотя аппетита особого не было. Но Кирилл предложил свернуть лавочку.

– Много есть нельзя, – рассудительно сказал он. – Много съешь, в туалет захочешь, а здесь и не присядешь...

– Нельзя, – поддакнул Архип. И вставил свое слово: – В тюрьме как – сегодня густо, а завтра пусто, привыкнешь много есть, потом отвыкать больно будет... А тебя за что закры-

ли? – неожиданно спросил он, обращаясь к Кириллу.

– Вот за то и закрыли, – с самым серьезным видом отозвался тот. – За то, что есть много привык. Работы нет, денег нет, а есть охота. Что делать?

Кирилл нарочно затянул паузу, Архип не выдержал первым:

– Что делать?

– Сосед у меня был, хороший мужик, упитанный такой. Я его сначала напоил – проспиртовал, значит. Потом усыпил, в ванну уложил...

– Зачем в ванну?

– Курил он много. А прежде чем съесть курящего человека, надо его два дня в холодной проточной воде подержать, тогда никотиновая горьковатость исчезнет...

– Так ты что, его съел? – ужаснулся Архип.

– Этого не сразу. Холодильник у меня большой, двухкамерный, в одну морозилку потроха в пакетиках сложил, в другую – мясо, в третье – сальцо...

– Да иди ты! – недоверчиво махнул рукой парень.

Но Кирилл этого как будто и не заметил. И как ни в чем не бывало продолжал:

– Этого я долго ел, со вторым побыстрей управился, а последнего своего с ходу съел. Волосы с головы сбрил, макушку посолил, все как положено, и прямо в сыром виде... Послушай, а у тебя голова уже лысая...

Кирилл окинул Архипа въедливо-заинтересованным

взглядом, огладил рукой его лысину.

– А соль у меня в сумке есть...

– Да иди ты!

В этот раз Архип отмахнулся от него более резким и уже по-настоящему пугливым движением руки. И на месте не остался – поднялся, подхватил свою сумку, бросил в нее уже пустую кружку и перебрался на другой конец камеры.

– А ты не шутишь?

Илье тоже было не по себе. Уж больно убедительно живописал Кирилл. Тот насмешливо посмотрел на него и спросил:

– У тебя сколько классов образования?

– Десять.

– В институте не учился.

– Нет.

– Я так и понял. Но в школе двоечником не был.

– Нет, хорошистом был.

– А у этого недоумка, – Кирилл кивнул в сторону Архипа, – шесть, ну максимум, семь классов, и те с двойками... Только такой и мог поверить в такую чушь. Пошутил я. Конечно, пошутил...

Он оперся спиной о стенку, прикрыл глаза – как будто пытаясь заснуть. Интеллигентного склада лицо, благородный профиль. Он уверенно держал руки в карманах длинного пальто, независимо поднятый подбородок, полноценный разворот плеч. Можно было поверить в то, что Кирилл пять

лет провел в неволе, но невозможно было представить его на месте жестокого и циничного людоеда, разогревающего на сковороде вынутые из холодильника человечьи потроха...

Илья тоже попытался заснуть, но не смог. Люди в камере говорили вполголоса, но шум стоял нешуточный. Он открыл глаза и попытался сосредоточиться на руинах собственной жизни. До сих пор случившееся с ним воспринималось как нечто трагическое, но вполне поправимое. После свидания с женой все два дня до сегодняшнего он жил в ожидании чуда. Надеялся, что в тюрьму по этапу пойдут другие, а он останется в изоляторе временного содержания, откуда его могли отпустить в любой момент по высочайшему повелению сверху. Но вот он уже в тюрьме и ждет распределения по камерам, где не только сортирная вонь, но и жестокие тюремные нравы, давно уже ставшие притчей во языцех. Илья уже слышал о прописках, о подставах и прочих издевательствах со стороны закоренелых уголовников...

* * *

Распределения Илья ждал недолго. В первой пятерке новичков, вызываемых на медицинский осмотр, прозвучала фамилия Ильи. За дверью не выстраивались в цепь тюремщики с дубинками, не лаяли овчарки, но, живо помятуя о недавних прелестях общения с ними, он пулей с вещами выскочил на выход.

Первую партию новичков завели в ярко освещенное помещение, посреди которого возвышался стол, грубо сваренный из подернутых ржавчиной железных листов. Примерно такой стол Илья видел на областном сборном пункте, когда призывался в армию. За тем столом офицер и солдаты из военкомата осматривали сумки и рюкзаки призывников и здесь, как он догадался, его ждала примерно такая же процедура. Но непонятными оставались два момента – почему в числе присутствующих здесь сотрудников изолятора находилась женщина в военной форме. И что за странное окошко в стене за досмотровым столом, если бы оно находилось на уровне груди, Илья бы, пожалуй, его и не заметил, но оно возвышалось над полом всего на метр, что показалось ему весьма странной особенностью.

Женщина была симпатичной на вид, но Илье она показалась какой-то грубой – как изящно и дорого пошитый вручную сапог из паршивой кирзы. Гладко зачесанные и нехорошо лоснящиеся волосы темного цвета, безграмотно выщипанные брови, дешевая тушь на коротких ресницах, ярко, а оттого вульгарно выкрашенные губы. И небрежно накинутая на плечи теплая куртка армейского образца не добавляла ей женственности. Но тем не менее она находилась в центре внимания – в равной степени как со стороны своих коллег, так и арестантов, оголодавших без женщин. Молодой высокий парень-контролер явно рисовался перед ней. В эффектной стойке перед арестантами он словно бы нехотя покачи-

вался взад-вперед на своих длинных ногах и постукивал резиновой «тросточкой» по раскрытой ладони левой руки.

Сначала он предложил добровольно сдать запрещенные к применению предметы и деньги, с тем чтобы в последующем они были зачислены на лицевой счет их обладателя. Илья понял, что деньги так или иначе отберут, поэтому выложил на стол все пять с половиной тысяч рублей, что передала ему Нила. Отдал также сотовый телефон – под обещание, что его когда-нибудь вернут. Деньги контролеры забрали как положено – под роспись, но все же Илья усомнился, что на лицевой счет попадет вся сумма. Да и получит ли он назад свой мобильник? Может, он вообще из тюрьмы не выйдет.

– Вещи на стол! Живо! – излишне категорично, подчеркнуто командным голосом потребовал досмотрщик.

Илье очень не нравился этот тип, но его команду он выполнил без нареканий – живо распотрошил свою сумку, выложил все вещи на стол. Он думал, что досмотрщики сейчас пороятся в пожитках арестантов и на этом все закончится, но нет, пижонистый контролер велел раздеться.

– И догола! – добавил он.

Это еще больше не понравилось Илье, но деваться некуда. Он думал, что женщина выйдет из комнаты, но та как ни в чем не бывало продолжала стоять среди своих коллег и безучастно наблюдать, как оголяются арестанты.

Похоже, она привыкла к таким процедурам и к виду обнаженных мужчин. Но, видимо, не все из прибывшего контин-

гента имели опыт раздевания перед уполномоченной женщиной.

Первым «неправильно» отреагировал на ситуацию толстячок с пузом, как у женщины на девятом месяце. Считалось, что такая полнота вызывает «зеркальную болезнь» – это когда не увидеть без зеркала причинного места. Возможно, потому толстячок и не заметил, как вздыбился его фрикцион. Зато женщина заметила, и тут же в ее руках откуда ни возьмись появилась пластмассовая указка, которой она дотянулась до его штуки и, без всяких сожалений шлепнув по ней, привела толстяка в чувство. Обиженный стон, потешный хохот.

А дальше началось самое «интересное». Щеголеватый контролер направил арестантов к тому самому окошку, которое так не нравилось Илье. Оказалось, он не зря питал антипатию к этому непонятному элементу тюремного быта. За этим окошком скрывался человек, который без зазрения совести заглядывал в глубь арестантских тылов в поисках заботливо спрятанных ценностей. Илья прошел и через эту унижительную процедуру, после чего вернулся к столу. И когда прозвучала команда одеться, первым делом взялся за свои кроссовки – поставил на них окоченевшие на холодном бетонном полу ноги. И только затем надел на себя все остальное.

Чуть позже прозвучала команда собрать вещи. Илья нашел свою сумку – изрезанную тюремщиками в алчных вы-

искиваниях спрятанных денег. Но в общем ворохе, в котором смешались вещи всех арестантов, он не смог найти все свои вещи. Бесследно исчезла дорогая электробритва «Браун» с плавающими лезвиями. Куда-то пропала упаковка дорогих американских сигарет, золоченая ручка под «Паркер», блокнот с калькулятором, нарезка из осетрины и сервелата в вакуумных упаковках. И непонятно – то ли тюремщики помогли ему избавиться от столь ценных предметов, то ли кто-то из шустрых сотоварищей воспользовался неразберихой.

– Что, чего-то не досчитался? – спросил Кирилл.

Илья удрученно кивнул.

– Ничего, парень ты не бедный, с воли передадут.

Илью не очень удивило, что Кирилл принял его за состоятельного арестанта. Одет он был хорошо: легкая и теплая куртка «Рибок», спортивный костюм той же фирмы, кроссовки – Нила подобрала для него модель без шнурков, как будто специально для тюрьмы. Кирилл же был облачен в недорогой костюм из отдела готовой одежды, рубаха без галстука – все, мягко говоря, не свежее, не очень то следил за собой.

– Передадут. Только когда это будет.

– А ты сейчас не о вещах думай. Ты думай о том, чтобы глупостей не наделать. Здесь, в тюрьме, все друг за другом смотрят, все замечают. «Я больше не буду» – это для детского сада, а здесь ничего не прощается. Сделаешь глупость, век потом не отмоешься... Следи со собой, парень, и, как

говорится, не делай лишних движений. Прежде чем что-то сделать, хорошо подумай. А не знаешь, что думать, спроси у меня, может, подскажу. От людей бывалых держись подальше...

– Ты еще поговори мне там! – окрикнул Кирилла пижонистый контролер, и тот замолчал.

После досмотра арестантов «вписали в историю» – дактилоскопия и фотографирование. Илью посадили на стул, на специальном планшете мозаичными цифрами и буквами набрали его фамилию, инициалы, год рождения. Фас, профиль. Илья примерно представлял себе, каков он сейчас на внешность – усталость темнила лицо, небритость его грубила, в глазах безнадега и отчаяние. Не хотел бы он глянуть на свою тюремную фотографию, во всяком случае, сейчас. Разве что потом, когда он выйдет отсюда – дома, в теплой, безмятежной обстановке забавно будет глянуть на свою уголовную физиономию. Но сейчас его тошнило от гиблой действительности, по которой тащила его – словно бегемота за уши – черная арестантская участь, и не из болота тащила, а наоборот.

Следующим этапом был медосмотр. Никак не думал Илья, что здесь ему придется проявить характер. Арестантскую группу из пяти человек завели в самую настоящую клетку – все стены, от пола до самого потолка, из толстых железных прутьев. В клетке одна кушетка – простыня на ней грязная, с желтоватыми пятнами и бурыми подтеками. Но

медперсонал – две женщины и мужчина – находятся за внешней стороной решетки, смотрят на арестантов, как дрессировщики на запертых в клетке зверей, только что доставленных из диких африканских саванн. Ни понимания в их взглядах, ни сожаления. Только голый интерес – какие болезни в настоящем и прошлом? какие прививки? какая наследственность? на какие лекарства аллергия? и так согласно пунктам медицинской карты, которая заполнялась и вставлялась в личное дело подследственного.

Илья хотел было пожаловаться на внутренний психоз махровой закваски, но передумал – все равно всерьез его не воспримут, зато решат, что это проявление бунтарского духа с его стороны, примут меры. А он сейчас боялся всего, и любая перспектива дополнительного наказания повергала его в смертельный ужас. Он был похож на овцу, которую вели на заклание. Но оказалось, что это не совсем так. Оказалось, что его покорность имеет предел.

На столике перед решеткой в железной кювете в мутном спиртовом растворе лежали иглы от шприцев. Нечесаная лениво-равнодушная медсестра в желто-сером неряшливом халате должна была взять у новичков кровь из вены – анализ на СПИД. Но как она это делала! Вытащила из кюветы иголку, надела ее на шприц, взяла кровь из вены у одного арестанта. Использованную иголку она бросила в раствор, оттуда же взяла другую. От этой крайне сомнительной стерилизации Илье стало не по себе. И когда подошла его очередь,

он в панике спрятал руку за спину.

– Ты что, парень, белены объелся? – вытаращилась на него сестра. – Руку давай!

Но Илья, еще больше бледнея, отступил назад.

– У меня нет СПИДа, – пробормотал он. – Но будет... А я не хочу...

Но медсестра его не слушала. Она уже обращалась к врачу, а тот выглянул в дверь, кого-то позвал, кому-то что-то сказал.

– Ну, держись, парень! – сыпнул на воспаленную рану Кирилл. – Советую тебе одеться, а то потом некогда будет...

От страха Илья плохо соображал, но совет принял. Трясущимися руками надел майку, штаны. Едва он успел влезть в кроссовки, как в клетку вошли два молодца в камуфляжной форме и с резиновыми милицейскими дубинками. Илья зажмурился в ожидании удара, но спецназовец лишь замахнулся на него и тут же опустил палку. А второй схватил руку Ильи, ловким приемом заломил ее за спину, согнул его вдвое и выволок из клетки.

Его завели в какую-то полутемную комнатку без окон. Затхлый воздух, атмосфера страха и безнадёги.

Спецназовец сначала оттолкнул Илью от себя так, что он едва не протаранил стену головой, затем с неохотой спросил:

– Ну и зачем бузишь, хмырь?

– Иголки там без стерилизации, СПИДом можно заболеть и гепатитом, – в паническом смятении проговорил Илья.

– Будет тебе стерилизация. Сейчас такого пару нагоним, что кровь закипит, – замахиваясь на Илью дубинкой, сказал один.

– И от гепатита тебя избавим, вместе с печенью, – добавил второй и тоже замахнулся.

Замахнулся, но не ударил. Миролюбием здесь и не пахло. Илье показалось, что спецназовцам не хочется утруждать себя. Втянешься в мордобой, потом не остановишься, а рукоприкладство – процесс довольно-таки сложный, требующий напряжения по большей части физических сил, да и в моральном плане не так уж просто ударить человека – даже для спецназовца. Ведь Илья по сути не сделал им ничего плохого, и вся их злость к нему высосана из пальца. Вот если бы он лично кого-то оскорбил...

– Да пусть живет, – сказал один.

И не очень сильно, видимо, для острастки, ткнул Илью дубинкой в живот.

– Пусть, – согласился второй.

И добавил – сначала словесно:

– Максимыч и правда борзееет, шприцы одноразовые копейки стоят.

Затем добавил физически – ударил Илью по ноге, так же без пристрастия, но голень стала неметь.

Ему показалось, что прошла целая вечность с тех пор, как оказался в страшной комнате, но его вывели из нее как раз в тот момент, когда из клетки медблока показался Кирилл, а

за ним еще трое из их группы. Оказывается, наказывали его совсем недолго и, что главное, не смертельно.

Кирилл уважительно подмигнул ему. Хотел что-то сказать, но опасливо покосился на следующего сбоку конвоира и промолчал.

Группу отправили в сборную камеру, заметно отличающуюся от той, из которой их уводили на досмотр. Здесь уже были сколоченные из досок нары, но в остальном – такой же невыносимо-тоскливый и смрадный бардак. Кирилл вроде бы неторопливо, но очень быстро занял сразу два лежака – один для себя, другой для Ильи. Хлопнул по изрезанно-исписанной доске большой рабоче-крестьянской ладонью, вид которой не очень вязался с его интеллигентной внешностью.

– Садись, паря, – еще не широко, но уже улыбнулся он.

– Еще насажусь, – принимая приглашение, горько усмехнулся Илья.

– Это верно. Но здесь, как в космическом корабле, – если есть возможность, присядь или приляг. А вертикальное положение в условиях нашей невесомости – чревато...

– Как в космическом корабле? – Илья уже успокоился после пережитого, страху в нем поубавилось, а уверенности в себе стало больше. – А я думал, мы в открытом космосе.

– В открытый космос ты чуть не попал. Сильно били?

– Да нет, пару раз всего. Леня было им шевелиться.

– Значит, повезло. Уголовники как говорят – в тюрьме тоже есть жизнь. У ментов своя присловка – и в тюрьме люди

работают. А я тебе скажу, что и жизнь здесь есть, и людей хватает – как среди блатных, так и среди мужиков. Но сволочья всякого хоть отбавляй – и среди нашего брата, и среди ментов... Так что держи ухо востро, парень. Не верь, не бойся, не проси.

– Где-то я это слышал.

– А это формула нашей арестантской жизни. Не верь никому и языком лишнего не болтай. Стукачей в камерах много, если кумовья хорошо работают, тогда каждый второй. Кто такие кумовья, знаешь?

– Слышал, но так и не понял.

– Плохо, что не понял. Здесь все надо с полуслова понимать, иначе пропадешь. Главный оперативник в тюрьме – кум, простые оперативники – подкумки...

– Теперь понял.

Илья подумал об Андрее, который служил в оперчасти. Подумал и чуть было не сказал о нем вслух. Вовремя понял, что факт личного знакомства с сотрудником тюрьмы чести ему не прибавит. Хоть и впервые он в тюрьме, хоть и не знает ничего толком о здешних порядках и подводных камнях в них, но не такое уж он тепличное растение, чтобы ломаться на худом ветру. Он служил в армии, он знает, чем живет и дышит мужской коллектив. Что солдаты, что зэки – физиология у всех, да и, по сути, интересы почти одинаковы. В армии ждут дембеля, здесь – суда или свободы, и там и тут есть сильные и слабые, везде напряженка с женщинами и

прочим удовольствием. В армии не жалуют старшину и деспотов-командиров, здесь волком смотрят на тюремщиков и их начальство...

– И тебя в стукачи прописать могут, – как о чем-то само собой разумеющимся сказал Кирилл.

– Да ни за что на свете!

Илья никогда не был стукачом – ни в школе, ни в армии. И здесь не будет.

– Не говори «гоп»! – усмехнулся собеседник. – Есть такие опера, что коренных уголовников гнут и даже ломают. Если насядут, не отвертишься... Мне раньше везло, как-то все время в стороне оставался, но если бы насели, не знаю, выдержал бы я или нет... Не веришь? Думаешь, я стукач? Если так думаешь, думай дальше, мне все равно. Говорю же, не доверяй никому и не раскрывай душу, а то в самую серединку плюнут, сам потом растирать будешь. И еще – будь самим собой. Не пытайся весить больше, чем ты есть. Ты новичок, ты пряник-первоход, тюремной жизни не знаешь, поэтому будь здесь тише воды ниже травы...

– Да я, в общем-то, и не высовываюсь, – повел плечом Илья.

– И правильно делаешь... А то, что против докторов пошел, так это еще правильной. Распоясались они здесь, в самую пору дело врачей заводить, как при Сталине. Я восемь лет назад здесь был, тогда уже спидоносцев две камеры было, сейчас, наверное, раза в три больше. И все из-за таких

грамотеев. Ты отказался от укола и меня пронесло, так что, считай, я перед тобой в долгу... Да, «спасибо» здесь не говорят. А зря. «Спасибо» – это «спаси, бог». Кресты нательные носят, Библию читают, а «спасибо» говорить нельзя. Ну, парадоксов здесь хватает, всего и не объяснишь. Да и не надо вникать, все равно ничего не поймешь, а неприятностей на голову наживешь... Никогда не жалуйся, никогда не хвастайся, не обсуждай других, никогда не оправдывайся – этого здесь не любят. И, главное, не ври самому себе. Мне или еще кому-то соврать можешь, могу и не заметить. А себе начнешь врать, когда-нибудь обязательно заметят... В общем, будь самим собой и следи за ветром, тогда, глядишь, и доплывешь до своей пристани. Тебя в чем обвиняют? Так, в общих словах можешь сказать. А не хочешь, не говори, это твое право.

– Не хочу, но скажу. Чего не сказать? Не похож ты на стукача, да и мне сознаваться не в чем. В убийстве меня обвиняют, но я не убивал. Но никому ничего не докажешь. Я с ней ночью был, ни с кем ее живой после меня не видели, значит, я убил. И никому ничего не докажешь...

– Значит, из-за женщины. У меня то же самое было восемь лет назад. Да я уже говорил. В изнасиловании меня обвинили, хотя ничего и не было, восемь лет строгого режима ни за что ни про что, по условно-досрочному вышел...

– По условно-досрочному, это как?

– А так, что восемь лет дали, а пять с половиной лет отси-

дел, остальное на воле, на испытательном сроке. Шел недавно по улице, какой-то нехороший человек мимо проходил, плечом меня задел, я ему замечание сделал. Если бы я его бил, так нет, он на меня с кулаками набросился. Я только отбивался. И что? Эта сволочь на свободе, а я здесь. Другого бы еще в отделении отпустили, а у меня условно-досрочное, значит, обратно в тюрьму. Срок, может, и не добавят, но два с половиной года досидеть придется. Хорошо, если на поселении, а если нет?.. И скажи, есть ли на свете справедливость?

– Если есть, то не про нас писана.

– Вот и я о том же говорю... Поздно уже, я так понял, ужин прошел мимо нас. Будем питаться, чем бог послал...

У Ильи в сумке оставался кусок буженины, печенье и хлеб, у Кирилла не было ничего.

– Мать передачку в капэзэ собрала, за три дня все съел, – виновато передернул он плечами.

– Ничего, у меня есть. Тебя в капэзэ долго держали?

– Четыре дня.

– А меня шесть. Обвинение предъявили, а все равно держали. Сначала с бомжом в одной камере жил, а потом в одиночке...

– Там одиночек не густо. Как платных палат в районной больнице. Видно, кто-то подмазал...

– Подмазал, – кивнул Илья.

Нила постаралась. И если дальше в том же духе будет про-

должать, то вкусные и сытые передачи в тюрьму будут поступать исправно. И деньги тоже. Хотя с чем-то в этой жизни порядок будет. Если, конечно, Нила не отвернется от него...

Глава пятая

Катя прятала глаза. Выражение лица виноватое, но у Андрея возникло такое ощущение, что в душе она улыбается самой себе.

– Я тебе сразу хотела сказать, но тогда было неясно...

– Что неясно?

Она уже сказала, что решила расстаться с ним. У нее есть мужчина, она его любит и хочет жить с ним. Но Андрей все равно ничего не понимал. Не хотел понимать. Он любит Катю, он не хочет ее терять. Он звал ее замуж, она не отказывалась. И вот высокое и ясное небо над головой накрыла черная туча, сверкнула молния, грянул гром.

А ведь с утра ничего, казалось бы, не предвещало беды. Он был в командировке, сегодня утром приехал, побыл немного дома, привел себя в порядок, по пути на службу заехал к Кате, думал застать ее дома, но встретил во дворе. Она куда-то спешила, увидела его – испугалась поначалу, но быстро взяла себя в руки. И ошеломила его признанием:

– Какой же ты непонятливый. Говорю же – у меня есть мужчина, он мне очень нравится. Я встречалась с ним, но тебе не говорила, потому что не совсем была уверена в нем. А теперь мы с ним во всем определились, он сделал мне предложение, я выхожу за него замуж...

– Но так же нечестно.

– Почему нечестно? Я же не твоя собственность, – с вызовом и укором глянула на него Катя.

Андрей стоял и смотрел на нее, не чуя под собой ног. Невозможно было поверить в то, что эта восхитительная девушка с чудными изумрудными глазами навсегда исчезнет из его жизни.

– Никто и не говорит, что ты моя собственность. Но мы же встречались, мы объяснялись друг другу в любви...

– Не было никакой любви, о чем ты говоришь? Ты нравился мне, я нравилась тебе, мы спали вместе, и всего-то...

– Но ты же говорила, что любишь.

– Может быть. Но это несерьезно.

– А его любишь?

– Думаю, что да.

– Думаешь?

– Это мое личное дело, любить его или нет.

– Кто он такой?

– Зовут Борис, он молод, умен, у него своя фирма. Дом, машина... Э-э, это не так важно...

Андрею показалось, что Катя лукавит.

– А может, как раз это и важно?

– Думаешь, я стерва сквалыжная? Нет, совсем нет. Поверь, если бы мне Борис не нравился как мужчина, у него не было бы шансов. И пусть у него хоть сто миллионов будет...

– А так всего лишь один-два миллиона, да? – Это не Андрей сказал, это прозвучал голос вырвавшейся наружу оби-

ды.

– Ну о чем ты говоришь? Где ты видел в нашем городе долларовых миллионеров?

– Видел.

У Андрея у самого тетя богато живет и знакомые такого уровня, что близко не подходит. Но ему-то что с того? Сам он живет с мамой в двухкомнатной квартире, она в школе учительницей работает, и он в следственном изоляторе денежный оклад за должность и звание получает. На такие деньги ни дом не построишь, ни машину приличную не купишь. А в шалаше Катя жить не хочет, потому и уходит к более успешному мужчине... Понять ее можно, но простить – вряд ли.

– А чего ж сам таким не станешь? – язвительно усмехнулась она.

Андрей поморщился, как будто получил удар ниже пояса.

– Зачем ты так? – неприязненно спросил он.

– Извини, если обидела, – ничуть не раскаиваясь, не очень охотно сдерживая выпирающую изнутри улыбку, сказала она. – И зла на меня не держи, ладно?

– Зла держать не буду, – через силу выдавил он. – И тебя держать не буду...

– Вот и правильно... Не злись, тебе это не идет.

Она нежно коснулась пальцами его плеча, потянулась на цыпочки, пока он не успел отстраниться, быстро коснулась губами его щеки. Повернулась к нему спиной и спорым шагом скрылась в дверях подъезда. Когда-то Андрей провожал

ее домой, расставался с ней на этом самом месте, она целовала его на прощание и убегала – иногда безвозвратно, то есть до следующего дня, а бывало, что разворачивалась, снова целовала, уже более крепко, и только затем уходила. Но сейчас она точно не выбежит обратно, не повиснет у него на шее. У нее есть другой мужчина, побогаче...

На службу Андрей ехал в раздавленных чувствах, перед глазами зыбкий туман, в голове ералаш из мозаики, на которую разбилась его жизнь. Один раз он едва не врезался в зад «Мерседесу», второй – чуть не попал под «КамАЗ».

Перед воротами следственного изолятора он остановился, отъехал чуть в сторону. Хотя и не самая лучшая у него работа, хоть и не прибыльная, но, как бы то ни было, ему нравилось дело, которым он занимался. Кто-то рожден летать птицами, а кто-то – заниматься преступниками. У него даже фамилия, располагающая к работе в Сизо. Капитан Сизов Андрей Павлович, ответственное должностное лицо. Был коллектив, в котором он работал, была целая масса заключенных, за которых он отвечал если не головой, то погонями, – никто, ни коллеги, ни уголовники, не должны видеть его в упадке духа. Таково его кредо – что бы ни случилось, нос всегда должен быть по ветру. Да и не то это место, тюрьма, где можно давать волю своим чувствам – обиженных здесь не жалуют ни по ту, ни по другую сторону решетки. И должность у него не самая маленькая – заместитель начальника оперативной части, для двадцати восьми лет какое-никакое,

а достижение. Один раз дашь слабину, из кожи вон потом лезть придется, чтобы вернуть утраченное.

Усилием воли он постарался привести в порядок свои мысли, попытался обнадежить себя ожиданием нового, пусть и гипотетического, но счастья. Ведь он еще молод и на внешность свою никогда не жаловался, и девушек симпатичных в Рубеже немало, найдет он еще себе такую, с которой можно будет счастливо прожить всю жизнь.

Он уже собирался продолжить путь, когда в дверцу постучали. Андрей обреченно глянул в окошко. Сейчас ему меньше всего хотелось встречаться с просителями из родных и близких заключенных. Но к нему в машину просилась Нила. Андрей удивленно повел бровью – она-то что делает здесь, в этом мрачном и пугающем своей фатальностью месте?

Нила села в машину, в салоне сразу же запахло свежестью и дорогим парфюмом. Андрей поймал себя на мысли, что тетушка у него хоть и не самая красивая женщина на свете, но шарма она волнующего и даже зажигательного. И подать себя может на высоком пьедестале, и одевается дорого, со вкусом, и эти тонкие пьянящие запахи...

– Привет, племянничек! – с достоинством женщины, знающей себе цену, поздоровалась она.

Но чутьем искусственного оперативника Андрей уловил заискивающие нотки в ее голосе.

– Здравствуй, тетушка! Какими судьбами? Случилось что-то?

– А обязательно должно было что-то случиться?

Тетя Нила не смогла удержаться на оптимистичной ноте, свалилась в пессимизм.

– Да, случилось... Ты, говорят, в командировке был.

– Был.

– Я у мамы твой была, номер твоего телефона взяла, а он не отвечал...

– Под Архангельском я был, в глухомани, там только спутниковый телефон берет...

– Все работаешь?

– И все по ним, радемым. Должен же кто-то заботиться об их преступных душах. К священникам они не особо тянутся, приходится нам самим без приглашения к ним в душу лезть...

– А если с приглашением?.. Илью посадили.

– Да ну! – удивился Андрей.

– Под следствием он. В убийстве обвиняют.

– Ничего себе! Мы же с ним недавно разговаривали, он говорил, что никогда в жизни в тюрьму не попадет. Накаркал, значит...

– Накаркал.

Андрей горько усмехнулся, вспомнив недавний разговор с Ильей. Парень всерьез считал, что никогда и ничего противозаконного не совершит. А сам он так же всерьез считал, что Катя не сможет бросить его. Но вот несчастье произошло и с Ильей, и с ним самим...

– В чем его обвиняют?

– В убийстве.

– Это серьезно.

– Не то слово... Я адвоката наняла, он в суд обращался, но и там уже муж покойной побывал. И с прокурором договорился, и в суде. Я как знала, что он захочет Илью загубить...

– Как ты в суд ходила, меня это мало волнует. А вот кого он убил, это бы я хотел знать.

– Он не убивал.

– Ты в этом уверена? Только начистоту?

– Нет... То есть да... Я не знаю... Девушка у него была, они в школе вместе учились, она его из армии ждала, а потом они расстались. Она замуж вышла, он на мне женился, вроде бы все хорошо было, а тогда, ну, помнишь, на новоселье он много выпил, в город поехал, с этой встретился. Ну а утром ее в реке утопшую нашли...

– Значит, все-таки уехал. Шальной он был, я еще подумал, как бы не случилось чего, остановить пытался, а он все равно уехал...

– И я, дура, не остановила...

– Плохо ему с твоими гостями было.

– Знаю... Но он сам не стремился в наш круг. Мог бы в институт заочно поступить, бизнесом бы занялся, нет, сиднем дома сидел. Мне-то спокойней, когда он дома, я потому его и не подгоняла... Ничего, если все хорошо будет, я его и в институт заставлю поступить, и работать он у меня будет...

– Хорошо – это как?

– Может, выкрутится. Может, настоящего виновника найдут. Или условно дадут...

– За убийство?! Условно?!

– Адвокат говорит, что можно повернуть как убийство из ревности.

– Да можно и за неосторожное убийство условный срок получить, – усмехнулся Андрей.

Новые времена – новые поправки в Уголовный кодекс. Он знал немало случаев, когда за убийство преступника приговаривали к десяти, к двенадцати годам лишения свободы, но условно. Якобы Министерство юстиции взяло курс на расчистку тюрем и лагерных зон, да только почему-то процесс очищения носит избирательный характер. Есть деньги – получишь условное за убийство, нет – будешь тянуть срок за украденную с голодухи булку хлеба.

– Да, мне говорили. Но с этим мы разберемся.

– А я с чем разобрататься должен?

– С Ильей. Скоро суд будет, попробуем его под залог освободить, но это время, а он уже здесь, в тюрьме. Ты бы взял его под свой присмотр.

– Надсмотр ему и без меня гарантирован, а насчет присмотра надо подумать...

– Андрей, мы же родственники.

– Это как раз и плохо. Если вскроется факт, что я мужу своей родственницы помогаю, у меня могут быть неприят-

ности.

– Какие неприятности, о чем ты говоришь? Я же не прошу тебя, чтобы он в твоём кабинете жил. С камерой ему хорошей помоги, чтобы подонков там поменьше было...

– Тюрьма – это такое место, где и приличный человек подонком стать может... С камерой решить можно, но если я начну кому-то помогать, начнутся разговоры, а у нас как везде – все друг за другом следят...

В тюрьме, как в театральном закулисье – тихие склоки, мелочные интриги, заговоры, подножки. За те шесть лет, что Андрей работал в Сизо, он ко всему этому смог привыкнуть – и то потому, что его в школе милиции морально подготавливали. На лекциях преподаватели вычитывали информационно-политические агитки о высоком предназначении офицера российской милиции, а в неформальной обстановке рассказывали о черновой изнанке реальной действительности. В сущности, так оно и оказалось. Правда, начальник тюрьмы, как истинный хозяин положения, держал беспокойный коллектив крепко в узде и в одной упряжке, не допуская разногласицы в стиле «лебедь, рак и щука». Все проблемы решались на месте, сор из избы не выносился, потому и не катилась телега в прокуратуру по надзору, не летели в Сизо проверяющие из других не менее суровых инстанций. Андрей знал, что если провинится, наручники на него не наденут, но иногда ему казалось, что лучше попасть под следствие за злоупотребления, чем предстать пред гневные очи

начальника тюрьмы. Юрий Дмитриевич Бугримов только со стороны мог показаться добряком, при необходимости мог задать такого перцу, что воздух покажется водой. Однажды Андрей попал под его горячую руку, так чуть не захлебнулся...

– Я все понимаю, Андрей, – кивнула Нила. – Ты скажи, сколько надо, я заплачу...

– А вот это ты зря, – нахмурился он. – Хотя сказала правильно: теперь мне деваться некуда, придется помочь, чтобы ты никогда больше речь о деньгах не заводила.

– Может быть, ты не так понял, – замялась она. – Может, для кого-то деньги нужны. Ты же не самый главный начальник, ты же не все решаешь.

– Деньги нужны. Твоему Илье нужны. С деньгами он и сыт будет, и обогрет. И передачку можешь ему передать...

– Да, я собрала, у меня в машине, может, передашь?

– Деньги передам, – кивнул Андрей. – А передачу через пункт приема, на общих основаниях.

– Там же очередь.

– А в очереди люди, которые очередь свою продают. Если запрещенных вложений нет, посылку передадут в целостности и сохранности, у нас с этим строго...

– Да уж, строже не бывает, – усмехнулась Нила.

– Не я эти порядки устанавливаю и не мне их отменять. Да и для твоего Ильи будет лучше. Если кто узнает, что он из моего кабинета с посылкой вышел – ты хоть представляешь,

что с ним будет? И убить могут. Обвинят в сотрудничестве с оперчастью – и на нож. Да, и такое у нас бывает, мы, конечно, беремся, но не всегда успешно...

– А телефон передать ему можно?

– Не положено. С моего телефона позвонит, у меня в кабинете, только ты «симку» ему передай, а то у меня денег на счете не очень...

– А ты скажи мне свой номер телефона, я положу деньги на твой счет.

Андрей мог бы воспользоваться моментом: Нила была сейчас в таком состоянии, что не задумываясь положила бы на его счет и пять, и десять тысяч. Но он не стал этого делать.

– Не надо, – покачал он головой. – Просто «симку» ему передай.

– Даже не знаю, как тебя благодарить. Если какие вдруг проблемы, ты не стесняйся, обращайся ко мне.

– Я подумаю.

Он устремил взгляд на закрытые ворота, сосредоточенно поджал губы – всем своим видом показал, что ему пора. Но Нила не торопилась выходить из машины.

– Я еще тебя спросить хотела, – неуверенно сказала она.

– Да.

– Мама твоя говорила, что ты работаешь оперуполномоченным в тюрьме.

– Допустим.

– Это как бы сыщик, я правильно понимаю?

– Ну, в общем-то, да. Оперативная часть следственно-го изолятора осуществляет оперативно-розыскную деятельность. Я понятно говорю?

– Думаю, что да. Поэтому и спрашиваю, может быть, ты мне поможешь?

– Чем?

– Я же говорю – Илья не убивал. Кто-то другой это сделал, может, муж убитой... Окулов его фамилия, имя-отчество – Антон Борисович. Вот бы провести расследование... Я понимаю, это не твое дело, но я бы заплатила тебе. Нет, не как должностному лицу, а как частному детективу. В точности по прейскуранту.

– А этот Окулов – он что, тоже у нас сидит?

– Ну нет, конечно. Он-то дома сейчас. Илья в тюрьме, а он дома...

– Боюсь, что я ничем не могу тебе помочь. Мы работаем исключительно со спецконтингентом, то есть с заключенными. А теми, кто на воле, занимается уголовный розыск управлений внутренних дел.

– Но ты же в школе милиции учился.

– И что?

– Ничего... – стусевалась Нила. – Я понимаю, не твоя специализация, да и времени, наверное, нет...

– Совершенно верно. А Илье я помогу... Извини, тетушка, мне уже пора. Начальство ждет.

Андрей взял деньги в конверте, сим-карту для сотово-

го телефона, выпроводил из машины родственницу и только после этого подъехал к воротам следственного изолятора. Закончилась командировка, началась рутинная работа. И еще Илья, будь он неладен.

Не нравился Андрею этот парень. Не то чтобы скользкий, но явно хитро выточенный. Не сказать, что типичный альфонс, но было в нем что-то от приспособленца-приживальца, а иначе бы он и не женился на богатой тетушке. Да и вообще, как можно всерьез относиться к мужчине, который нигде не учится и не работает?.. И еще убийство на его совети... Но в любом случае следовало разобраться во всей этой истории, и даже не ради тетушки, а из соображений служебного долга. Что ни говори, а Илья теперь – представитель арестантского мира, Андрей обязан был знать, что творится у него на душе...

* * *

Илья лежал на нарах и отчаянно чесался. Кожу снаружи он расчесывал до красных язв, больно, но хоть какое-то облегчение. Но еще больше донимал подкожный зуд. Липкий, вонючий дух камеры, давно немытое тело, ощущение безнадеги – все это жутко действовало на нервы, отсюда и внутренняя чесотка. Хотелось вскочить с нар, волчком закружиться по камере, как будто от этого могло наступить облегчение. Но Илья только порывался подняться с нар и вся-

кий раз возвращался обратно. Здесь хоть мерзко, но это, по сути, обжитый им мирок, крохотный, размером в полтора квадратных метра, но свой. А вокруг сдержанно-враждебный мир, по камере бродят люди, с которыми так не хотелось смешиваться. Подвиг Александра Матросова казался ему детской забавой по сравнению с тем, на что приходилось идти ему для того, чтобы справить банальную нужду. Ему казалось, что легче лечь грудью на амбразуру, чем накрыть собой едко-вонючий дючок, да еще на глазах у десятков людей. Жуть...

В плотном и раздражающем гуле голосов он не услышал, как открылась входная дверь, но до слуха донеслась его фамилия.

– Теплицын, на выход!

Илья лихорадочно вырвал сумку из-под головы, не обращая внимания на Кирилла, с интересом глянувшего на него, спешно направился на выход, где ждал его конвойный.

– Руки за спину, лицом к стене, – поигрывая дубинкой, но без особой злобы распорядился огромный рыжий детина с хитро-наглыми глазами.

Илья перебросил сумку через плечо, исполнил команду. В тюремном коридоре воздух отнюдь не горной хрустальной чистоты, но никогда он еще не дышал с таким удовольствием, как сейчас. И кислорода здесь побольше, и вони поменьше...

Конвойный повел Илью вдаль по гулкому и, как ему каза-

лось после темноты камер, ярко освещенному коридору. Перед каждой поперечной решеткой остановка с неизменным тыканьем в стену. По железной ржавеющей лестнице поднялись на следующий этаж. Здесь решеток было поменьше, а в административном крыле здания их не было и вовсе. Интерьер побогаче. Хорошо выкрашенные масляной краской стены, плотно побеленный потолок, деревянные двери, отливающие лаком, таблички, таблички...

– Стоять! Лицом к стене!

Илью снова ткнули носом в стену, но все же он успел заметить табличку на двери. «Заместитель начальника оперативной части».

Конвойный открыл дверь, подтолкнул Илью к проходу.

Просторный светлый кабинет с большим окном, забраным декоративной решеткой, хороший косметический ремонт, грубая казенная мебель, массивный сейф какой-то старинной конструкции. Аккуратные занавески на окнах, на стенах пышные лианы в цветочных горшках. Чувствовалось, что хозяин кабинета уважает домашний уют и обстановку.

– Здравствуйте, гражданин Теплицын, – насмешливо и чуточку свысока посмотрел на него Андрей Сизов.

Он был хозяином этого кабинета, и он восседал за старым тяжеловесным столом с толстыми дубовыми ножками. Наглаженная форма офицера внутренних войск, капитанские погоны, эмблемы, выдающие принадлежность к органам юстиции. Аккуратная стрижка, строгая осанка, опрят-

ный внешний вид – так и должен был выглядеть офицер, чья привычка следить за собой впиталась в кровь с курсантской скамьи.

– Здравия желаю, гражданин начальник, – буркнул Илья.

Он еще толком не знал, как относиться к Андрею – как к другу или к врагу.

К своим друзьям он его причислить не мог при всем своем желании – нет у них общих неформальных точек соприкосновения. Но и врагом он не может быть, как-никак родственник жены и не похож на сволочного человека. Хотя, если верить тому же Кириллу, оперативники на то и существуют, чтобы делать арестантам гадости.

– Ну зачем же так? – усмехнулся Андрей. – Ты еще не осужден и не ограничен в гражданских правах. Можешь называть меня просто: товарищ капитан Сизов. А можешь еще проще, Андрей... Только сам понимать должен – отношения наши простыми никак не назовешь. Ты по ту сторону решетки, я по эту. Обвинение тебе предъявлено, назначен следователь по твоему делу... В общем, влип ты, Илья, крепко влип...

– Да знаю.

– Нила просила тебе помочь, по-родственному, так сказать.

– Чем ты мне можешь помочь?

– Деньги она тебе передала... Даже не знаю, что делать. Тебе отдать не имею права, положить на лицевой счет, а ка-

кой в том толк? Заключение отовариваются в ларьке раз в неделю, и каждый раз надо заявление на имя начальника тюрьмы писать. А так надзиратель по тройной цене все что угодно принесет, что, мягко говоря, не поощряется администрацией. Но жизнь есть жизнь... Тебе деньги отдам. Но если их вдруг обнаружат, никому ни слова, от кого получил. Договоримся?

Не думал Илья, что Андрей может так смотреть в глаза – в упор, энергетически мощно, с рентгеновской пронизательностью. Как будто читал его мысли, красной бегущей строкой отражающиеся в душе. С виду вроде бы обычный парень, а силы внутри столько, что на нескольких человек хватит. Он еще молодой, а уже производит впечатление матерого тюремного волкодава.

– Договоримся, – подавленно кивнул Илья.

Он действительно готов был играть с Андреем по правилам, которые он установил. Да и не глупый он, чтобы подставлять его – даже не опера, а замначальника оперативной части. В миру должность эта плевая, а в неволе – очень большая величина. Если Илья его подведет, вряд ли он сам серьезно пострадает, но уж точно лишит его своей поддержки...

– Вижу, что договоримся, – снисходительно улыбнулся Андрей. – Будут тебе деньги. И с Нилой по телефону поговоришь. Чуть позже. Сначала мы с тобой поговорим, для порядка, так сказать. А может, и для пользы дела... Я ознако-

мился с материалами твоего дела. Ты убил девушку, с которой у тебя когда-то была любовь, я правильно понял?

– Ну, правильно, да. Любил я Эльвиру, – кивнул Илья. – Она из армии меня ждала, потом казус был, расстались мы. Она за Окулова вышла, я с Нилой сошелся, в общем, раскидала нас жизнь... Погоди, а почему ты утверждаешь, что я ее убил? – не сразу, но дошел до Ильи подвох заданного вопроса.

– Есть признательные показания с твоей росписью.

– Это неправда. Я чистосердечно признался, чтобы облегчить свою участь. Но я откажусь от показаний...

– Но твою Эльвиру этим не вернуть, – жестко усмехнулся Андрей.

– Неужели ты думаешь, что это я ее убил?

– А почему я должен думать иначе?

– Не должен, – поник Илья.

Если бы Андрей приходился ему родным братом, даже столь близкое родство не смогло бы обязать его верить человеку, который сам признался в убийстве.

– Если убийство действительно совершил ты, я все равно посоветовал бы тебе отказаться от своих показаний.

– Так и я о том думаю! – взбодренно кивнул Илья.

– Ты не так меня понял, – совсем неутешительно покачал головой Андрей. – Пока не поздно, я бы посоветовал тебе написать по-настоящему чистосердечное признание. С подробным указанием всех деталей происшедшего...

– А я разве не подробно написал?

– Подробно. Но это не признание, это сочинение на вольную тему. На вольную тему в условиях неволи... Ты пишешь, что не хотел убивать Эльвиру, что это не ты, а твои эмоции столкнули ее в воду...

– Я не сталкивал ее в воду. Но да, написал признание. Но я же говорю, что сделал это для того, чтобы облегчить свою участь...

– Это не признание, это отговорка, которая еще больше настроит против тебя судью. Есть одно обстоятельство, которое ставит на тебе крест. По материалам дела следует, что убийство совершено с целью ограбления. С потерпевшей сорваны сережки, возможно, золотая цепочка с кулоном и кольцо, которое изъяли у тебя при обыске. А ты говоришь про какие-то чувства и эмоции. Сказать, какую картинку для себя нарисует судья? Сначала ты вступил с потерпевшей в интимную связь, возможно, изнасиловал, затем ты ограбил ее и затем уже убил...

– Но это неправда!

– Не знаю. Но показания все равно измени. Чтобы логика в них была. Пусть она и страшная, но она должна вписываться в общую картину...

– Но я не убивал!

– Можешь все отрицать, твое дело... Кстати, есть еще одна возможность облегчить свою участь.

– Как?

– Встать на путь исправления прямо сейчас.

– Это как?

– Заключенный, вставший на путь исправления, обязан следить за порядком в камере и обращать внимание начальства на факты, не отвечающие требованиям внутреннего распорядка, – саркастически-официальным тоном, с каверзной улыбкой на плотно сведенных губах проговорил Андрей.

– Я знаю, как называются такие заключенные. Стукачом хочешь меня сделать?

– Ну зачем так сразу! Я всего лишь предлагаю принять к рассмотрению вариант возможного сотрудничества – со всеми вытекающими, выгодными для тебя последствиями. Суд учтет твою благонадежность, а начальник следственного изолятора оставит тебя отбывать срок в отряде хозобслужуги, а это – послабление режима и в конечном итоге условно-досрочное освобождение...

– А если я откажусь?

– Отказаться – твое право, а мое право – заставить тебя принять мое предложение. Но в силу родственных, так сказать, чувств заставляю я тебя не буду. Ну а если ты вдруг сам захочешь, отговаривать тебя не стану.

– Не захочу.

– Тогда закроем тему.

– А что такое условно-досрочное освобождение, я знаю.

Андрей призвал Илью остановиться, но тот продолжал по инерции.

– Что ты знаешь?

– А человека одного знаю. Он по условно-досрочному освобождился, а потом его нахал какой-то в лицо ударил. Так нахалу ничего, а Кирилла в тюрьму, срок досиживать будет...

– Это он тебе такое сказал? – усмехнулся Андрей.

– Да.

– Сказать можно все, что угодно. Не верь в тюрьме никому. Даже мне не надо верить... А то, что на условиях досрочного освобождения можно загреметь в тюрьму за административное правонарушение, такое – да, бывает... Как, ты говоришь, зовут его?

– Кирилл.

– А фамилия?

– Э-э, Матюшин.

Илья не раз слышал, как Кирилла окликают по фамилии, но не знал, надо ли было рассказывать о нем Андрею.

– С тобой по этапу пришел?

– Да.

– Погоди, я сейчас.

Андрей вышел из кабинета и очень скоро вернулся с картонной папкой в руках. Личное дело подследственного Матюшина Кирилла Вадимовича.

– Ударили его, говоришь? – вчитавшись в дело, с ухмылкой спросил Андрей. – А это смотря кто кого ударил. В ограблении он подозревается. Телефон сотовый у человека

забрал. Сначала ударил, а потом забрал. На месте преступления задержан, с поличным...

– А первый раз за что его посадили? – удивленно спросил Илья.

Он не думал, что Андрей врет насчет мобильного телефона. Зачем ему это?.. Зато выходило, что Кирилл соврал. Но ведь он и сам предупреждал, что нельзя ему верить.

– Так, сейчас... Осужден на восемь лет строгого режима за изнасилование... Был преподавателем филиала социального института в нашем городе, изнасиловал студентку четвертого курса, так, Воротынскую Юлию Николаевну... А тебе он что рассказывал?

– То же самое.

– Хоть здесь не соврал... Неприятный момент, скажу тебе. За изнасилование у нас не очень жалуют...

Андрей продолжал изучать личное дело.

– Так, под следствием находился в нашем изоляторе, осужден семь лет назад. Я тогда еще здесь не работал... Ты с ним задружил, да?

– Ну, что-то вроде того.

– Плохо, – озадачился Андрей. – Может быть, даже хуже, чем я думаю...

Он достал из кармана телефон, протянул ему.

– Я сейчас уйду, а ты пока с Нилой поговори. Пообщайся.

В этот раз Андрей отсутствовал дольше – минут пятнадцать, не меньше. Зато вернулся в благодушном настроении.

– Нормально все с этим твоим Матюшиным, братва признала его невиновным. Суд признал одно, а братва другое. У суда одно наказание, у братвы другое. Понимаешь, о чем я?
– Понимаю, – удрученно кивнул Илья.

Он уже знал, что насильников в тюрьме опускают. И тех, кто с опущенными якшается, наказывают так же. И если с Кириллом что-то неладно по этой части, то Илья тоже мог оказаться в касте неприкасаемых. Но раз с Кириллом все в порядке, то бояться, казалось бы, нечего. Но сам факт существования в тюрьме столь мерзких и чудовищных по своим последствиям порядков повергал в унылое отчаяние.

И разговор с женой радужных надежд не вселил. Общие слова, общие обещания, ничего конкретного. «Люблю, жду, скучаю...» Илья искренне заверил ее, что если выйдет на свободу, то ни за что больше не разочарует ее. Искренне верил, что так и будет. Но когда он выйдет, вот в чем вопрос. И выйдет ли вообще.

– Плохо тебе, понимаю, но ты сам во всем виноват, – развел руками Андрей. – За то и расплачиваешься...

– За чужую вину расплачиваюсь, – обреченно вздохнул Илья.

– Не знаю, не знаю... – недоверчиво и жестко усмехнулся Андрей.

Он вызвал конвоира и велел ему отвести Илью на сборку.

Глава шестая

Илье приходилось париться в элитных саунах с дорогими сра-джакузи, с обслуживающим персоналом исключительно из симпатичных девушек в коротких туниках. Но то удовольствие, которое он там получал, казалось сущим пустяком по сравнению с тем, что он испытывал сейчас под хлесткой прохладной струей темноватой от ржавчины воды из трубы без душевой лейки. Жесткое хозяйственное мыло вместо пенящегося геля, дешевая мочалка из пересохшего мочала вместо мягкой губки, но с каким блаженством он растирал свое грязное, расчесанное в кровь тело, с каким наслаждением омывал себя водой совсем не банной температуры.

Тюремная баня только называлась баней, это был всего лишь мочальный зал с облупленной кафельной плиткой, шестью душевыми кабинками открытого типа, работающих кранов – всего четыре, и все без леек. Илье очень повезло, что их было всего восемь человек и время вроде бы никто не ограничивал. Им с Кириллом достался один душевой сосок на двоих, тот стирал свое белье, а Илья ожесточенно надраивал себя, как будто этим можно было навести чистоту на свое тело на несколько дней вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.